

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Самоцветы

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0019
III.....	.0034
IV.....	.0047
V.....	.0063
VI.....	.0083
VII.....	.0107
VIII.....	.0124
IX.....	.0140
X.....	.0154

**Мамин-Сибиряк Дмитрий
Наркисович
Самоцветы**

Мой приятель Василий Васильич и «наши». — Вода тронулась. — Торфяники. Окунька едет в Париж на выставку. — Читали ли вы сочинение господина Ипполита Тэна? — Нарядчик Захар Иваныч. — Старый завод.

— **П**оедемте в Мурзинку, — говорил мне Василий Васильич, мой хороший знакомый из мелких золотопромышленников. — Время теперь самое бойкое: пахота кое-где уж кончилась, а до страды далеко, — вот мужичонки и промышляют по части камней. Право, отлично съездим.

— Что ж, поедемте, — соглашаюсь я. — Только добывание камней производится, главным образом, по зимам, а теперь едва ли что увидим.

— Да, ведь, правильной добычи нет, а "работают камень", когда случится: и зимой, и летом... Право, поедемте. До Невьянска по железной дороге три часа езды, а там вёрст с семьдесят на лошадях. Погода отличная, лихо бы прокатились.

— Едем.

Мурзинка — большое село Верхотурского

уезда; оно "с незапамятных времён" пользуется репутацией нашей уральской Голконды, как центр самых типичных уральских самоцветов. Считаю нужным оговориться, что Мурзинок на Урале не одна, как есть много Белых и Тёплых гор, речек Каменок, Карасьих озёр; но настоящая Мурзинка одна. Сложилась даже свои эпитеты, как "мурзинский камень", потому что самоцветы попадаются по всему Уралу, хотя не в таком количестве и не такого качества, как в Мурзинке. Большая разница между топазом ильменским (Ильменские горы — отрог южного Урала) и мурзинским, а ещё большая разница между аметистом из Мурзинки или из Богемии. Конечно, такая разница существует только для знатока или, по меньшей мере, для любителя, а не для большинства непосвящённой публики. Я беру именно Мурзинку, как типичный уголок, где добывание самоцветов уже утвердилось прочно и создало "интересного мужика", который "любопытничает по части камешков", с одной стороны, а с другой образовалась кучка торговцев, забравших всю торговлю добытыми самоцветами в свои руки.

Итак, мы отправляемся в Мурзинку. Конец апреля выдался тёплый, и погода стоит "на первый сорт". Наша уральская весна поздняя и очень капризная, поэтому радуешься каждому солнечному дню, как дорогому и редкому гостю. На вокзале в Екатеринбурге стоит страшная суета, потому что, кроме своей обычной публики, увеличивает движение "проезжающий сибиряк", который пользуется открывшеюся навигацией. Но и, кроме того, весна будит свои уральские кровные интересы, которые засыпают с первым снегом и просыпаются с первой водой, — я говорю о мелкой частной золотопромышленности. Мой спутник Василий Васильич принадлежит именно к этой категории и страшно суетится на вокзале, перебегая от одной кучки «проезжающих» к другой: у него на каждом шагу встречаются какие-то таинственные "нужные люди", клиенты и целая тьма просто знакомых и хороших людей. Маленькому человеку иначе и нельзя, особенно кто живёт "своим средством". Я каждый раз люблюсь Васильем Васильичем, как типичным представителем разбитного уральца, а, главное, тем,

что он всегда весел, всегда улыбается и всегда занят по горло. И фигура у него совсем особенная: кряжистый, плотный, с загорелым круглым лицом и бойкими глазами. Ботфорты, шведская куртка и кожан придают ему вид не то купца, не то охотника, — сразу не разберёшь.

— Всё наши едут, — торопливо объясняет он мне, забегая сказать, что место в вагоне занято и вещи снесены. — Кто куда: на север едут, в Кушву, в Невьянск, в Верх-Исетскую дачу... Вода тронулась — вот и хлопочут.

В течение последних пяти минут перед отходом поезда шляпа Василия Васильича мелькает у буфета, на платформе, в багажном отделении, на подъезде, а после второго звонка вырастает передо мной, как из земли.

— Ух, устал! — весело говорит он, вытирая лицо бумажным платком. — Едва успел... две телеграммы отправил, письмо написал, три рюмки водки выпил... Отбою нет от народа, и всё наши золотопромышленники толкуются.

Когда мы поместились уже в вагон, Василий Васильич перебежал от окна к окну и продолжал свои переговоры с оставшимися на

вокзале нужными людьми, а когда поезд двинулся, он с азартом выскочил на платформу вагона и высунулся в дверь, ещё что-то кричал и даже размахивал своею шляпой.

— Уморился... Уф!

— Кажется, пора и устать.

— Да, ведь, время-то какое? Лето наше сиротское, вот и торопимся, как на пожар.

В нашем вагоне третьего класса ехала самая разнородная публика, и, конечно, у Василия Васильича сейчас же нашлись новые знакомые, а с одним он даже облобызался похристиански из щеки в щёку. "Василь Васильич, друг, да тебя ли я вижу? Ах, андел ты мой". — "А вы это куда наклались, Захар Иванович?" — "Да так, сам не знаю, куда еду, а увидел поезд и саял: дай, думаю, с добрым людям прокачусь". — "Знаем мы вас, как вы просто-то садитесь, Захар Иванович; тоже не левою ногой сморкаемся", и т. д. Разговор идёт беглый, с прибаутками и наговорами, как на хорошей свадьбе, потому что сибиряк уж так устроен — любит завернуть красное словечко, а главное, необходимо пошуметь. Если хотите, такая кричащая о себе деловитость сма-

хивает на своего рода кокетство, но лично я люблю таких подвижных, говорливых и шумливых спутников, с которыми легко коротаются самые длинные переезды.

От Екатеринбурга до Невьянского завода около ста вёрст. Уральская железная дорога здесь идёт с юга на север по холмистой местности, которую перерезывают отроги недалёкого Урала. Там и сям по сторонам дороги расстилаются заросшие горные озёра. Сейчас на них растёт золотушная берёза и сосна-карлица. Издали вид на такие озёра довольно оригинальный: глаз легко различает лесистые острова, выступающие из озера, каменистые мысы, заливы и вообще всё очертание исчезнувшей береговой линии. Такое зарастание горных озёр — результат хищнического истребления леса. В будущем эти торфяники дадут массу горючего материала. Нужно заметить, что эти сто вёрст от Екатеринбурга до Невьянска поезд идёт по заводской даче, принадлежащей владельцам на мифическом по-сесссионном праве: сначала идёт дача Верх-Исетских заводов, а затем Невьянских. Первая занимает площадь в 1 000 000 десятин, а вто-

рая около 180 000. Как видите, дистанция огромного размера, но в последней лес истреблён окончательно, а в первой ещё истребляется, и нарастающие торфяники в своё время явятся единственным топливом для обеих дач.

О несметных богатствах Урала писано и переписано в достаточной степени, так что уральские сокровища сделались своего рода банальным выражением; но Урал не на всём протяжении богат в одинаковой степени, и есть уголки, которые даже среди несметных уральских богатств выделяются, как исключительно одарённые всеми благами. Именно по такой площади мы и ехали сейчас и чем ближе подвигались к Невьянску, тем оживлённее делалась развёртывавшаяся панорама. Прямо по сторонам дороги почти непрерывно тянулись золотые промыслы и мелькали живописные кучки старателей, золотопромывательные машины, глубокие выработки, желтевшие отвалы промытых песков и вообще полная картина местности, охваченной золотою лихорадкой. Особенно выделились Рудянка и Шуралинский завод, — в послед-

нем даже спущен пруд, чтобы выработать золото на его дне. Невьянск является центром этой лихорадки.

В Рудянке к нам в вагон ввалилась целая толпа кожанов и простых деревенских баб. Народ всё такой крепкий, сыромятный, — сейчас видно, что кержаки, как называют на Урале старообрядцев. Главным действующим лицом был молодой парень с ястребиным носом и ястребиными глазами. Другие только провожали его. Меня заинтересовало, что парень в числе пожитков втащил отличный кожаный саквояж, который и поставил в уголок около себя.

— Так ты, Якунь, уж тово, мотри... — наговаривала какая-то старуха, оглядывая подозрительно всю публику; у ней были такие же ястребиные глаза. Дорога не близкая, так уж ты поберегайся... Тоже всякий народ попадает...

— Да уж будьте спокойны... Не впервой! — бойко отвечал парень.

Кожаны тоже дали путешественнику несколько хороших советов, и он отвечал им так же стереотипно. Видимо, что эта сцена

родственного расставания происходила довольно часто, и все проделывали одну и ту же церемонию, как по нотам. В заключение Якунь снял свой кожан и начал кланяться в ноги поочерёдно всей провожавшей его родне.

— Родимая матушка, прости и благослови... — говорил он, кланясь бабе с ястребиным лицом.

— Бог тебя простит, бог благословит... Мотри, Якунька, не обмиршись, а то лучше и глаза тебе не показывать домой... Лестовкой за порю...

Изнемогавшая дробь станционного колокола прекратила эту сцену, и Якунька опять мог залезать в свой кожан. Когда поезд тронулся, он собрал свои пожитки в одно место, — какой-то потник, вместо постели, выбойчатое одеяло и подушку, а сам сел наверх, как ястреб, точно боялся, что сейчас же кто-нибудь из публики посягнёт на его добро. Я напрасно старался припомнить, где видел это ястребиное лицо, а, между тем, оно было совсем знакомое.

— Да это Якунька из Токовой, едет с камня-

ми в Париж на выставку, объяснил Василий Васильич, знавший всех и всё. — На нашей выставке в Екатеринбурге в кустарном отделе у него была своя витрина, — помните?

— Ах, да...

— И дошлый только народ — удивлялся Василий Васильич. — А дорогу им Самошиха показала... Она первая и в Москву, и в Петербург проникла с мурзинскими камнями, а за ней уж бросились другие, из соседних деревень. Будем в Мурзинке, так завернём и в Южакову к Самошихе в гости.

Нужно было видеть удивление Якуньки, когда Василий Васильич подошёл к нему и прямо спросил:

— В Париж, видно, на выставку едете?

Якунька остолбенел и только ворочал глазами.

— А ты как знаешь? — спросил он, наконец.

— Сорока на хвосте принесла... — шутил Василий Васильич. — Ведь, видно птицу по полёту! Из Токовой? Ну, вот видишь... С камнями тебе сейчас некуда ехать, потому что Нижегородская ярмарка ещё далёко, столич-

ная публика по дачам разъехалась, — ну, некуда тебе, кроме как в Париж. Пронька Самошихин, ведь, ездил в Копенгаген на выставку?

— Это точно, Пронька был.

— Ну, так гладкой дороги. Кланяйся там нашим, как увидишь своих.

До станции минут десять ходу. Публика начинает торопливо собираться и вообще приходит в движение, потому что многие выходят в Невьянске. На время завод скрывается за леском.

— Сударыня, читали вы книгу "Об уме и познании", сочинение господина Ипполита Тэна? — спрашивает за моею спиной мужской голос.

— Нет, — отвечает молодой женский голос. — «Ниву» выписываем.

— "Нива" — это пустяки-с, сударыня... журнал, можно сказать, для девиц. Да... А я, знаете, когда прочитал книгу господина Тэна, то, можно сказать, прозрел. Всё теперь для меня ясно, как вот на ладони... Вот какие книги бывают, сударыня!

— Да я, пожалуй, и не пойму.

— Поймёте-с, потому так написано. Прочитали главу, непонятно, — ну, второй раз читайте, в третий, а потом уж всё как по маслу пойдёт.

— Вы мне запишите на бумажку, а потом я достану эту книжку, — отвечает женский голос.

— Да вы купите её, сударыня, книжку-то, и сейчас её в переплёт, а название я вам запишу.

Наступает пауза. Я оглядываюсь. За мной на лавочке сидит Захар Иваныч и быстро пишет на лоскутке бумаги название книги. Он в таких же охотничьих сапогах и кожане, как и мой Василий Васильич. Давеча я не обратил на него никакого внимания, а рассматривая сейчас внимательно, не вижу ничего особенного: не то прасол, не то гуртовщик, не то золотопромышленник из мелких. Лицо русское, широкое, бородастое, с носом луковицей и небольшими, быстрыми глазами.

Записывая название книги, он по-прикащичьи несколько раз брал карандаш в рот. «Сударыня», для которой всё это делалось, — молоденькая, миловидная купчиха, одетая

по-городски.

— Вы, ведь, в гимназии обучались, так вам это должно прочесть, наставительно говорил Захар Иваныч, передвигая записку. — А мы учились на свои медные гроши и одним своим умом доходим до всего.

Василий Васильич с добродушной улыбкой наблюдал эту сцену и, отвечая на немой вопрос, объяснил:

— Не слышали про Захара Иваныча? Нарядчик на промыслах... Большой чудак: всё мудрёные книги читает. Памятища у него невероятная... Представьте себе, что на прииске пятьсот рабочих, так он их всех по имени и по отчеству назовёт, да ещё и прозвища, у кого какие есть, тоже. За десять лет кто работал у него, всех в лицо узнает и назовёт. При расчётах тоже каждую копейку помнит: кому вперёд дано, за кем ещё старый долг, кому добавить... Какая-то зверская память!..

Подходивший к Невьянску поезд лишил меня возможности познакомиться с интересным нарядчиком. Во всяком случае, как-то странно было слышать имя корифея европейской литературы именно от такого прииско-

вого кожана, и думаю, что едва ли на другой какой железной дороге можно услышать подобный разговор. Урал вообще богат самоучками и, в частности, начётниками.

Издали Невьянск походит на уездный городок и красиво пестреет на солнце своими белыми каменными домами, зелёными железными крышами и богатыми церквями. Картину портит только охватившая завод со всех сторон голая «степь», как на Урале называют всякое безлесное место.

— Тёпленькое местечко этот Невьянск, — говорит Василий Васильич, любуясь в окно. — Пятнадцать тысяч жителей, торговля... На всех хватит золота, и ещё от нас останется. Одним словом, место самое удобное. На башню слазим в Невьянске... Вон как она покосилась, голубушка, точно старушка. Любопытная штучка...

Начётник. — Старинная башня с курантами. — Нынешний Невьянск и кожаны доброго старого времени. — Ряды, сундучный промысел, иконопись и "лучинкова вера".

На невянском вокзале публики всегда много, и можно только удивляться, откуда она здесь берётся. На маленькой тележке мы весело покатали в Невьянск, который так красиво пестрел по течению реки Нейвы своими бревенчатыми домиками, белыми каменными домами и зелёными крышами. Кстати, самое название Невьянск неправильно, оно произошло от реки Нейва, — следовательно, нужно говорить Нейвянск, но испорченное название уже вошло в общее употребление, и не нам его переделывать.

По пороге нас обогнал ехавший на такой же тележке Захар Иваныч. Он наотлёт, покупчески, приподнял свой картуз и скрылся на повороте какой-то узенькой улочки, — такие улочки ещё сохранились в Невьянске, как остаток доброго старого времени.

Невянск почти первый завод, построенный на Урале, и в народе сохранилось ещё на-

звание его — "Старый завод". Я помню, как лет двадцать тому назад ещё видал где-то в мезонине «стекольницу» со слюдой вместо стекла. Между прочим, об этой старине напоминали высокие коньки крыш, узкие окна и вообще значительная высота деревянных изб, — теперь уже так не строятся, потому что лес «отдалел». В одном из таких окон мы увидели седого, как лунь, старика, который с круглыми очками на носу сидел над старопечатною книгой, — Невьянск славится как кондовое раскольничье гнездо.

— Поворачивай на земскую! — командовал Василий Васильич, когда мы выехали на главную площадь, где стоял старинный гостинный двор и ряды мелких деревянных лавочек. — Пока закладывают лошадей да скипит самовар, мы успеем спутешествовать на башню...

— Что же, отлично...

Мы так и сделали. Башня стоит у самой фабрики. Она сильно наклонилась к пруду. Высота башни что-то около 25 сажен. По типу своей архитектуры она напоминает средние века, точно какая-нибудь итальянская кампа-

нилла, пересаженная на Урал по недоразумению. В прежнее время в среднем этаже помещалась заводская кутузка, а сейчас башня пуста, заменяя каланчу. Единственный живой человек в ней — старик-сторож, который смотрит за старинными курантами и "отдаёт часы". Основание башни квадратное. До половины поднимаются голые стены. В середине узорчатым выступом выдаётся обходящий всю башню балкон. Выше — пролёты до колоколов, ещё этаж с новым балконом и конический верх с узорчатыми карнизами, выступами и нишами. Это единственная старинная башня на всём Урале. Вход в неё с заводского двора, где приделано большое каменное крыльцо. Лестница идёт в какой-то деревянной трубе, — очень скверная лестница с шатающимися и точно изгрызенными ступеньками. Впрочем, это только в трубе, а в самой башне всё ещё прочно и простоит в таком виде не одну сотню лет. Толщина стен изумительная, точно в средневековой крепости. Когда мы добрались до сторожки, где жил ветхий коморник, нужно было сделать передышку. «Отдававший» невьянцам часы старец

оказался очень любезным и показал нам помещёние «курантов», старинные чугунные колокола и балкон, по которому он ходит уже двадцать лет. Балкон настолько ветхий, что я не решился на него выйти, — просто голова кружилась, особенно в том месте, где балкон висел над прудом. Конечно, башня стоит чуть не двести лет, а сторож ходит двадцать лет по этому балкону, но всё-таки страшно. Удивительно живучий народ все эти сторожа и коморники: ходит себе день и ночь, отбивает часы, а время идёт да идёт.

— Скучно тебе, дедушка?

— Чего скучать-то, слава богу... Жалованье получаю, квартира готовая. Товарищ у меня есть: он спит — я хожу, я сплю — он ходит. Нет, ничего, весело.

Старик показал нам и куранты, которые, к сожалению, не действуют, подточились шпеньки на медном вале, вроде тех, какие сейчас вертятся в трактирных «машинах», только, конечно, в большем масштабе. И от башни, и от курантов, и от старого коморника веяло ещё демидовскою стариной, точно для Невьянских заводов остановилось время, как

и для курантов. Я долго смотрел с башни на фабрику, громыхавшую у нас под ногами, на зеркало первого на Урале заводского пруда, на рассыпавшиеся домики, дома и хоромины по правому гористому берегу реки Нейвы и левому низменному. Под всем этим похоронена целая история. Если бы встал из земли сам Акинфий Никитич Демидов, главный воротила и фундатор уральских заводов, и посмотрел с башни на дела рук своих, наверное сжалось бы от скорби и его железное сердце. Старинное заводское гнездо едва дышит, а старинное железо, составившее славу Уралу и носившее свою торговую марку "старый соболь", кажется, сохранилось только на крышах старинных заводских зданий. Под этими крышами с узорчатыми железными коньками и железными узорами по карнизам считали ещё "словенскими литеры", а не арабскими цифрами, но, право, считали недурно, и Невьянский завод процветал. Правда, он давно уже вышел из числа других демидовских владений и сейчас влачит самое жалкое существование. При заводах числится дача в 180 000 десятин, а из них 114 035 десятин лесу,

но заводы считаются лишёнными древесного топлива и получают его в виде исключительной милости из казённых дач. Производительность завода достигает едва 167 529 пуд. чугуна в год (приводим цифры за 1886 г.), причём "задолжалось людей" на вспомогательных работах 314 душ и на горнозаводских — 149 душ. Всё это такие мизерные и жалкие цифры, что даже приводить их здесь совестно: на десятину посессионной земли Невьянский завод не вырабатывает даже одного пуда чугуна, а дробь $167529/180229$ пуда. Это рельефная картина заводской мерзости запустения. Нет, лучше уж Акинфию Никитичу лежать в земле, чем подниматься и смотреть на своё благородное потомство!..

С этою невянской башней связано несколько легенд, приводить которые здесь не стоит: какие-то подземные ходы, какие-то тайники и т. д. Она интересна сама по себе, как исторический памятник, напоминающий о золотом веке уральского горного дела. Царь Пётр был в Москве и сидел за обеденным столом, когда ему доложили, что пришёл тульский кузнец Никита Антуфьев с сыном Акин-

фием и желают переговорить с ним. Кузнецы, как говорит предание, были одеты в простые кожаны, как сейчас Василий Васильич или Захар Иваныч, и в таком виде представлены были великому царю-работнику. Они словесно изъяснили своё желание взять в аренду недавно основанный Невьянский завод, и Пётр тут же словесно изъявил своё согласие. История Демидовых известна: Пётр орлиным своим оком умел угадывать людей... Галем в своей книге "Жизнь Петра Великого" говорит: "Государь, желая почтить трудолюбие сего мужа (Никиты Демидова), хотел даже соорудить ему, как первому показателю источников, снабжающих Россию железом и медью, памятник на одной из площадей петербургских; но сие намерение осталось неисполненным". Петровские указы составляют целую литературу, к сожалению, ещё не разработанную, поэтому не лишнее привести здесь несколько выдержек из них специально по отношению к Демидову и Невьянским заводам: "А те заводы, говорит один из таких указов, — у таких построены добрых руд, каких во всей вселенной быть невозможно; а

при них такие воды, леса, земли, хлеба, живности всякие, что ни в чём скудности быть не мочно". Дальше: "яко истинному и православному христианству, подобает его великому государю нашему тебе работать всеусердно, с крайним и тщательным радением, яко верному и благодарному рабу, напоминая себе смертные часы, по которым о всех содеянных нами делах пред престолом Божиим нелицемерное в том истязание будет, и потом по благих делах вечное благоприятие, а по лживых и неправых мучительное суждение последует". Наконец, предоставляя Демидову "чинить наказание" заводским людям, указ говорит: "С тем, однако же, чтобы не навёл он на себя правых слёз и обидного в том воздыхания; а всякая обида, паче же убогому человеку, есть грех непростительный". Эта приказная наивность может сейчас показаться смешной, но какая неизмеримая пропасть отделяет её живое, человеческое слово от мертвечины нынешних предписаний, инструкций и отношений! "Верный и благодарный раб" Демидов превзошёл самые смелые ожидания царя Петра, но всё это делалось именно

за счёт "правых слез и обидного в том воздыхания" убогих заводских людей, о чём невьянская башня могла бы рассказать, вероятно, очень много.

Старик коморник показал все достопримечательности, и пора спускаться с башни. Есть ход в следующий ярус, но туда "не пускают". Когда мы очутились опять на базарной площади, на душе сделалось легче. Невьянский «базар» бойкое место. Помимо старинного гостиного двора, как мы уже сказали, оперируют десятки деревянных лавок, лавочек и лавчонок. Впрочем, в Невьянске считается населения около 15 000, - значит, есть кому покупать, — да прибавьте к этому окрестные сёла и деревни. И мужик, и мастеровой живут "своим средством", а собственно завод не при чём. Развились разные мелкие промыслы, и Невьянск является своего рода центром, как маленький городок. Он и напоминает такой город, а кличка завода остаётся только на память о добром старом времени.

— Пробойный народ эти невьянцы! — повторял Василий Васильич, когда мы проходили мимо торговых "рядов", — кто сундуки де-

дает, кто железные вещи, кто железо морозит, кто иконы пишет.

Невьянск действительно является центром кустарной промышленности, невьянские сундуки известны в Бухаре. Это кондовый, ещё старо-новгородский промысел, занесённый сюда раскольничьими выходцами из коренной России... С ним неразрывно связывается живопись, потому что и сундуки, и вёдра, и подносы нужно расписать. Отсюда только один шаг до иконописи старого пошиба. Невьянские иконописцы известны всему раскольничьему миру на Урале, как Богатырёвы или Чернобровины, хотя это дело сейчас и в упадке. Существует особенный способ покрывать железо лаком, причём получают такие же узоры, как на замёрзшем стекле: это и есть "мороженое железо", вернее — жесьть. Как мне рассказывали, этот способ составляет секрет невьянских кустарей и по наследству переходит из рода в род. Кажется, этот секрет производства заключается в особом приготовлении лака.

На земской квартире нас, действительно, ждал кипевший самовар и запряжённый па-

рой дорожный коробок. Степенный старик-хозяин в длинном сюртуке имел вид настоящего невянского старожила.

— Ну, дедушка, как поживаешь? — спрашивал Василий Васильич.

— Ничего, живем помаленьку, пока мыши головы не отъели...

За чаем у нас зашёл разговор о "лучинковой вере", как называется какая-то таинственная невянская секта. Название своё она будто бы получила от существующего обряда закалывать маленьких детей лучинками, а по другой редакции название произошло от обычая молиться с зажжённой лучиной. Во всяком случае, эта секта остаётся загадкой и вероятнее всего, что она — вымысел какой-нибудь праздной фантазии. Так, наш седобородый хозяин просто обиделся, когда мы начали расспрашивать его о "лучинковой вере".

— Пустяки это болтают, — ворчал он.

Всего удивительнее то, что от Невьянска до Мурзинки рукой подать, а, между тем, эта близость уральской Голконды решительно ничем не отразилась в жизни населения. Не возникло никакого промысла, а весь камень

целиком уходит в Екатеринбург. Мы разговаривали со стариком о Мурзинке, — как о каком-то другом государстве: он решительно ничего не знал, как и другие невьянцы.

— Не касаясь это самое дело до нас... Слышали, что добывают аматисты, шерлы, тяжеловесы, а видать не доводилось.

— Да, ведь, мужики, которые везут камни в Екатеринбург, едут через Невьянск?

— Известно, через Невьянск... Из Мурзинки-то из самой мало, а боле из Южаковой, из Луговой, из Калтышей. У нас в Невьянске занимается этим делом управитель Пётр Васильич. Так вот у него вам спросить: все мужики к нему камень несут.

О Петре Васильиче Калугине, который в Невьянске занимает место управителя золотых промыслов, я слышал ещё прежде. У него прекрасная минералогическая коллекция, часть которой мне случилось видеть ещё на выставке 1887 года в Екатеринбурге. Познакомиться с ним лично я мог только в Невьянске. Уже в передней вы чувствуете себя некоторым образом в области минералогии: целые шкафы с камнями, у стен камни в ящи-

ках, камни на подоконниках, камни на полу. Кабинет хозяина тоже состоит из ящиков с камнями, шкафов с камнями и просто из камней на столах, на окнах, на стульях. Одним словом, сплошная минералогия, от которой у любителя захватывает дух. На Урале существует целый разряд таких любителей, страдающих этой "каменной болезнью". Коллекторство со стороны кажется немного смешным, но жить на Урале и не любить уральских «самоцветов» ещё смешнее.

Любезный хозяин с готовностью показал свои сокровища, а меня интересовал больше всего отдел специально мурзинских камней: бериллы, топазы, шерлы и т. д. Главный недостаток лучших камней — это их страшная цена: отдельные штуфы достигают ценности в несколько сотен рублей, как щётки топазов, аметисты, бериллы и аквамарины.

— Кто же покупает такие дорогие камни? — спрашивал я.

— Больше из-за границы поступают требования, — объяснял Пётр Васильич. Для музеев и для частных коллекций денег не жалеют... За границей больше денег, и лучшие камни

уходят туда.

Между прочим, он показал великолепный штуф александритов из изумрудных копей Монетной дачи, нерчинский аквамарин, несколько редких кристаллов мурзинского тяжеловеса, по величине и оригинальной форме, — один кристалл изогнут под прямым углом, другой вытянут в длину, что несвойственно именно мурзинским топазам, встречающимся обыкновенно в кубической форме с соответствующими притуплениями углов, рёбер и плоскостей и т. д. Из мурзинских камней, как редкость, в коллекции хранится штуф полевого шпата с пиритами. Самое замечательное в этом собрании, по моему мнению, учебные коллекции минералов, составленные Петром Васильичем сообразно требованиям постепенного изучения минералогии. Каждая такая коллекция снабжена печатным каталогом с объяснением, откуда какой минерал добыт. Цена таких коллекций от 3 руб. до нескольких сот за экземпляр.

— Что же, раскупаются эти коллекции? — полюбопытствовал я.

— Ничего, идут помаленьку, хотя и не

быстро. Публика мало знает — вот вся беда.

Между прочим, я приобрел у г. Калугина очень полезную брошюру, составленную им о мурзинских копиях для Уральской научно-промышленной выставки 1887 г. в Екатеринбурге.

К брошюре приложена карта с обозначением всех существующих копей.

Магическое слово. — Духовная золотопромышленность. — Поля и забытый богом Петрокаменский завод. — Опять поля, Мурзинка и бабий «гнёт» в 50 000 р

Из Невьянска мы выехали вечером, чтобы доехать к ночи в Петрокаменский завод, до которого считается около 40 вёрст. Этот путь замечателен тем, что вы почти всё время едете селением или в виду селения, — перерывы самые небольшие. Поля, поля и поля, и ничто не напоминает соседства Урала. Русская земледельческая ширь охватывает вас, как море, хотя вы едете по коренной заводской даче.

В четырёх верстах от Невьянска стоит Быньговский завод. Ещё подъезжая к нему, вы уже чувствуете присутствие чего-то особенного. Издали пестреют новые крыши, берег реки Нейвы изрыт отчаянным образом, везде свежие громадные насыпи, разрезы, канавы, пробные ямы, и точно в самом воздухе висит какое-то магическое слово, которое заставляет жизнь бить ключом: это слово — золото. Вся невянская дача усыпана золотом, а Бы-

НЬГОВСКИЙ завод является центром работы "сильною рукой". По всей вероятности, железное производство для Невьянских заводов является дефицитом, и если оно ещё держится, то только потому, чтобы не потерять права на свою заводскую дачу, — пока de jure посессионных золотых промыслов не существует, а только посессионные заводы. По мере того, как падало железное производство, разрасталось золотое дело, и убогие Невьянские заводы дают своим 101 заводовладельцам-наследникам крупные барыши. Так, в 1886 г. золота в даче Невьянского завода добыто 25 пуд. 13 ф. 20 зол., что приблизительно по курсу составит около 600 000 рублей. Любая половина этой кругленькой суммы составляет чистый барыш; но эта цифра выше значительно, потому что невянское заводоуправление платит половину цены только старателям, которым отводятся самые плохие места, где золото «пообилось», а само разрабатывает наиболее богатые россыпи. На некоторых приисках содержание золота баснословно, как на Ягодном, и с каждым годом открываются всё новые россыпи. Невьянское золото неистоцимо

в буквальном смысле слова, и недавно открыты жилые месторождения его, что откроет новую эру в этом деле. Скажем здесь кстати, что не одни Невьянские заводы забросили железное производство, а то же самое делают и Верх-Исетские, заводская дача которых равняется 1 000 000 десятин. Верх-Исетские заводы добывают золота вдвое больше Невьянских, следовательно, вдвое больше и дивиденд заводовладельцев; обе дачи сходятся между собой.

Частным предпринимателям в заводской даче, конечно, нечего делать, потому что добытое золото нужно сдавать заводам по биржевой цене — в 2 руб. 20 коп. или 2 руб. 50 коп. за золотник, тогда как по высокому курсу 1886 года оно доходило почти до 6 руб. золотник. Ввиду этого, эти предприниматели всё своё внимание устремили на крестьянские земли, что создало целый ряд всевозможных инцидентов. Прежде всего, необходимо сказать, что до сих пор горнозаводское население ещё не размежёвано и дело тянется без конца. Заводовладельцы ни за что не хотят дать надела бывшим мастеровым и

приписным к заводам крестьянам на том основании, что земля нужна заводам, как месторождение руд и как лесная площадь. В сущности говоря, в земле такие заводы, как Невьянские и Верх-Исетские, никакой нужды не имеют именно специально для заводского дела, для чего она им дана, а не соглашаются они дать населению надел только потому, чтобы не лишиться выгодных золотоносных площадей и, главное, потому, чтобы иметь в своих руках безземельную рабочую силу, намертво запертую в необъятных заводских дачах. Со стороны крестьян, конечно, было вчинено по этому поводу много дел и затрачены на них большие средства, но где же тягаться жалким крестьянским обществам с такою страшною силой, как заводы? Так дело стоит и до сих пор, и даже быстрое сокращение заводами своей производительности, — что каждый год увеличивает контингент заводских рабочих без места, — даже и это не принимается во внимание в петербургских канцеляриях.

— Посмотрите, какие хоромины срублены, — говорил Василий Васильич, когда мы

проезжали через Быньговский завод. — Угадайте: чьи?

На площади, недалеко от церкви, действительно стояли настоящие хоромы, воздвигнутые "из всего леса". Так строились только богатые помещики, а в Быньгах не вдруг отыщешь человека, достойного обитать в таких хоромах.

— Вероятно, заводские, — ответил я.

— Нет, поповские!.. Целый дворец, а весь секрет опять в золоте. Заводоуправление отвело причту землю, а в ней оказалось золото; ну, отцы и добыли его. В лучшем виде всё оборудовали. Недалёко есть здесь одна попадья, так она тоже золотопромышленностью занимается, а на...ских промыслах работал дьякон. Вот тут, недалеко, в селе Аяцком у попа в усадьбе тоже оказалось золото; ну, мужики стали просить его сначала чество, чтоб уступил местечко, а когда тот не согласился — взяли да дом и подожгли.

Как-то легче дышалось, когда наш коробок бойко покатился по мягкому просёлку, мимо зеленевших полей и пашен, точно мы вырвались из какой-то заражённой местности. Что-

то умиротворяющее, трудовое, настоящее вот в этих вспаханных нивах; здесь есть и смысл, и освежающая душу неустанная забота, и незыблемая мера всему. Скоро потянулась громадная раскольничья деревня Таволги, получившая известность утвердившимся здесь кустарным промыслом по части выделки овчин и шитья сибирских полушубков и нагольных тулупов. Все такие славные крепкие дома, — видимо, живут хорошо, не так, как живут на золотых промыслах. Деревня ушла по течению реки Таволги на несколько вёрст, как строятся только в Сибири. За Таволгами небольшой переезд полями и жиденькими перелесками, и опять громадная деревня Бродовое, — этой уж конца-краю не было. Сколько ни ехали — всё Бродовое и даже в стороне, где лепились избы по какой-то речонке, тоже Бродовое. На мой глазомер, мы ехали по деревне вёрст десять, хотя Василий Васильич и уверял, что будет "верных двенадцать".

В Петрокаменский завод мы приехали престелною лунною ночью и имели удовольствие видеть одну размытую плотину. Где-то в углу заводского двора что-то такое дыми-

лось — и всё тут заводское действие.

— Чем же живут рабочие? — спрашивал я на станции местного обывателя.

— А кто чем промыслит, тем и живёт... Кто пашней займется, кто на золотых. Вообще живём...

О Мурзинке и мурзинских камнях здесь знали ещё меньше, чем в Невьянске. Меня всегда удивляло это полное отсутствие сведений о том, что делается в соседней деревне. От Петрокаменского завода до Мурзинки всего вёрст 20–25, значит, рукой подать. Добыча камней в Мурзинке — исконный промысел, которому больше сотни лет, а в соседней деревне никто ничего не знает и даже не интересуется знать.

Переночевав в Петрокаменском заводе, мы ранним утром отправились прямо в Мурзинку, — остался всего один переезд. Те же поля, те же перелески и решительно ничего такого, что напоминало бы о близости уральской Голконды. Ямщик, который вёз нас, бывал в Мурзинке десятки раз, но о камнях "был неизвестен".

— Кто его знает, — отвечал он на все рас-

спросы, — мурзинские-то ищутся насчёт камней... В Луговой тоже, в Алабашке, а главная причина в Южаковой, где Ульяна Епифановна жительствоует.

— Это Самошиха?

— Она самая...

Часов около семи утра мы подъезжали к Мурзинке. Издали — широкая панорама полей, извилистая, глубокая речная долина, а за ней лесистые увалы. Самая селитьба разошлась по правому крутому берегу реки Нейвы, где впадает в неё небольшая речка Амбарка. Большая белая церковь издали придаёт характерный вид настоящего русского села, каких неисчислимо множество рассажалось по русским равнинам. По свидетельству сибирского историографа Миллера, здесь когда-то жил татарский мурза, откуда получилось и название, потом местность окрещёна была первыми русскими насельниками "мурзинскою еланью" и, наконец, в 1640 году образовалась Мурзинская слобода, превратившаяся в нынешнее село Мурзинку. Таким образом, Мурзинка является одним из древнейших русских селений в Зауралье, хотя сейчас

в ней всего около двухсот дворов. С правого берега крестьянская селитьба перекинулась и на левый, где медленным подъёмом встаёт лесистая горка Тальян. Река Нейва здесь разливается уже настоящею большою рекою, с поёмными лугами, заводами и прилуками.

— Вези нас к богатому мужику, у которого самый большой самовар, скомандовал Василий Васильич.

— И то к богатому повезу... — согласился ямщик. — Ну, вы, котятки, помешивай!

Через пять минут мы уже входили в избу богатого мурзинского мужика, только что поставленную из кондового соснового леса и полную аромата смолистого дерева. Хозяин принял нас за «земских», но мы должны были его разочаровать:

— Мы по своему делу, — объяснил Василий Васильич. — Как у вас насчёт камней?

— А кто ево знат... У соседа надо спросить, он любопытничает когда. Третьего дни с Алабашки приехал. Сказывал, что струганцев привёз.

Богатый мурзинский мужик жил по-богатому: всё туго, всё толсто, всё крепко, всё сы-

то, всё кругло. Бревно, так бревно, точно оно выросло на заказ для богатого мужика, баба, так баба, ширококостная, точно из подошвенной кожи, хоть запрягай её в корень, девка-дочь вроде бревна — круглая, с сбитым телом, которого не ущипнуть самому бойкому деревенскому парню. Поданный самовар походил на средней руки локомотив. Хозяин тоже походил на самовар. Усевшись на лавочку, он степенно поглаживал, как мы пили чай.

— Так у вас нынче камней не добывают?

— Мало. Плохое это ремесло, а так, охотка одна. Другой с неделю ищется где-нибудь в яме, а принесёт домой ничего... Старики сказывали, что прежде струганцев много попадалось: смольяки больно хрушкие,[1] аматисты, шерла, тяжеловесы. Разный камень шёл... Вон тут на Тальяне и добывали, а ноне изубожилося всё. По деревням-то хрестьяны ищутся: в Алабашке, в Луговой, в Южаковой... Кто чему, значит, подвержен, а от нас камень отдалел.

Относительно камней образовалась целая мужицкая номенклатура: «струганец» — кри-

сталл вообще, «тумпас» употребляется в том же значении и отчасти заменяет слово штуф, смольяк — дымчатый горный хрусталь, раух-топах, тяжеловес благородный топаз и т. д. В Мурзинке сохранилось ещё своё собственное название для всех драгоценных камней: тальяшки или тальянчики, т. е. камни, которые когда-то разыскивали выписанные на Урал итальянцы. Большинство камней носят испорченные названия, прилаженные к мужицкому говору: аматист, шерла. Замечательно, что такие испорченные слова обошли весь Урал: на заводах и на рудниках везде говорят вместо кварц — «скварец», вместо колчедан — «колчеган», как те же рабочие окрестили ватерпас «вертипасом», а домкрат «панкрашкой». Из вашгерда на южно-уральских золотых промыслах получился «машерт».

— А вы слышали про знаменитый берилл из Мурзинки, который сейчас хранится в венском минералогическом музее? — спрашивал меня Василий Васильич, когда речь зашла о мурзинской старине.

— Слышал, но сам не читал.

— А я читал... Видите ли, как было дело. Шереметьев или Строганов, не помню хорошенько, в сороковых годах послал своего дворецкого на Урал, именно в Мурзинку, чтобы купить здесь камней на месте. Дворецкий отправился и прожил в Мурзинке целое лето. Ну, известно, летняя пора, народ весь в поле... Вот однажды дворецкий захотел напиться холодного квасу и полез в погреб. Только смотрит он, а на кадушке с грибами или с капустой лежит гнёт, т. е. камень, и камень совсем правильный, призмой. Дворецкий-то был со свечой и присмотрел камень к огню: просвечивает камень. Захватил он камень с собой и говорит хозяйке, когда приехали с поля, чтобы та продала ему камень. Ну, конечно, баба глупая, ничего не понимает, — рада, что двугривенный получила. Поехал дворецкий в Петербург с камнями, а на дороге, как на грех, встречает какого-то англичанина, который ехал в Мурзинку тоже за камнями. Разговорились: то-сё... Дворецкий показывает свои камни, англичанин смотрит, а потом и говорит: "Продайте вот этот". Это он насчёт бабьего гнёта. И сразу, понимаете, синенькую в зубы

дворецкому. Ну, тот сообразил, что за двугривенный выгодно получить синенькую, и отдал, а англичанин-то продал в Англии камень за 10 тысяч рубликов. Оказался прекраснейший берилл густого кровавого цвета, длиной в 8 дюймов и шириной в 4 дюйма, — он был в кожухе, ну, настоящего-то цвета и не видно. Потом уж этот берилл попал в Вену за 50 тысяч рублей.

Василий Васильич клялся, что читал об этом в какой-то старинной минералогии, и я оставляю этот рассказ на его совести.

Невозможного ничего нет, тем более, что встарину не только люди были лучше, но, как оказывается, даже и камни...

IV

Новая мера. — Гора Тальян. — Громкое название: копь цветных камней. Старинная копь на Тальяне. — Как «руководствуют» цветной камень нынче. Якунъка и Пронька. — Характеристика различных названий копей. — Величина копей. — Архиерейский камень, искусственные самоцветы, шерлы.

Пока нам закладывали хозяйскую лошадь, чтобы съездить на гору Тальян, где нужно было осмотреть старинные и новые копи цветных камней, под окно подошёл тот "любопытный сосед", который ездил промышлять камни на реку Алабашку. Это был ветхий старец, предварительно из приличия поговоривший о совершенно посторонних предметах и только потом вынуженный из-за пазухи мешочек с тумпасами.

— Все тут, — объявил он, вытряхивая драгоценности прямо на лавку. — Шерла есть, тяжеловесы, струганцы...

Принесённые сокровища не имели никакого интереса ни в минералогическом, ни в промышленном отношении, но из любезности я выбрал один штуф горного хрусталя и спросил цену.

— А какая цена известно... Давай на полштофа.

— Это сорок пять копеек?

— В самую точку...

В Екатеринбурге выбранному мною штуфу красная цена гривенник, но пришлось из любезности дать на полштофа, — тоже беспокоили человека. Во время нашего разговора подошёл другой старец с мешочком и тоже показал камни, — хорошего ничего не оказалось. Отбираю штуф полевого шпата с вросшими кристаллами раух-топаза и спрашиваю цену.

— Давай на два полштофа...

— Да у вас, что ли, на всё такая цена? — удивляется Василий Васильич подобной сделке.

— Из-за чего бьёмся, милый человек! Ты думаешь — его легко искать в земле-то? Не наложено их для нас, струганцев-то.

— А больше ни у кого нет камней в Мурзинке? — спрашиваю я.

— А как поедете на Тальян, так за рекой мужик Матвей живёт: у ево сколько угодно... Агроматные эти струганцы попадают. Как-то в третьем годе ребята на Алабашке нашли

тумпас, может, пудов в шесть: как свинья, в таком роде. Только больно чёрен... Ну, захотели цвет-то отпустить, чтобы с золотистым отливом был. Натопили печь, завернули тумпас в тесто и сейчас, например, в печь... Небольшие-то струганцы отходят таким манером в золотистый отлив, а тут попритчилось... Что бы ты думал, братец ты мой: как вынули тумпас из печи, он и распался весь, вроде того, как на полштофы... ей-богу!..

Опять полштоф, — нет, это решительно какая-то единица меры, как фунт, аршин, метр.

В лёгком коробочке мы спустились к Нейве, переехали через неё по высокому деревянному мосту, кое-как «настороженному» на деревянных козлах, — мост убирается каждой осенью, — и очутились на левом берегу. Отыскать мужика Матвея не составило большого труда, но его коллекция камней уж совсем никуда не годилась.

— Которы получше были, в Южакову свёз перед пасхой, — сумрачно объяснил сам Матвей. — На вино деньги нужны были, — ну, на три полштофа дала Ульяна Епифановна.

Подъём на гору Тальян очень невелик.

Наш коробок катился сначала по просёлку, а потом свернул влево к небольшому леску, топорщившемуся на взлобочке. Едва заметная колея вела по меже, а затем исчезла, точно истощившись на всевозможные повороты.

— Вот тебе и старинная яма, — объяснил наш проводник, когда коробок остановился у перелеска.

— Где?

— Да во, где стоим... Ишь земля не родная, а насыпь.

Сюда значит, валили пустую землю, а вот тут самая ихняя копь обозначена.

Старая копь, сделанная ещё итальянцами, так осыпалась и заросла сорняком, что трудно было что-нибудь разобрать здесь. Несколько обвалившихся и засыпанных ям, кругом бугры неправильно сваленной земли — и только. В красной глине одного размытого дождём отвала мы захватили несколько щёток горного хрусталя.

— Это ищо старички робили, а мы дальше руководствуем, — объяснял проводник, когда мы поехали в гору. — Тут земли изрыто множество. Значит, земля-то сверху, а потом ка-

мень зачнётся. Страсть, сколь этого камня наворочено...

Нынешняя копь совсем в лесу и наружный вид имеет самый беспорядочный. Прежде всего, вал из мелкого щебня, кварца и гранита, точно земля здесь припухла, как на краях свежей раны. Взобравшись на одну из каменных куч, мы увидели глубокую яму неправильной формы, выбитую в плотном камне. Получалось что-то вроде каменоломни, да и то очень плохой, — работа шла по наслоению каменных пластов и в глубину подавалась очень туго. Определить место, где проходила жила, крайне трудно.

— Что же вы тут добывали? — спрашивал я проводника.

— Амаститовая жила здесь изгадала... Эвон она в углу-то выклинилась.

— Где в углу?

— Да вот сюды...

Оказалось, что главной работы нам нельзя было и рассмотреть, — она уходила неправильной формы щелью под насыпь, на которой мы стояли. Пришлось спуститься в самую яму.

— Вон она, жила-то, по стенке прошла, — объяснял проводник, тыкая палкой в отвесный камень. — По ней и в глыбь работали... Достаточно руководствовали!

Действительно, теперь можно было видеть и жилу, т. е. полосу кварца, которая неправильной лентой проходила по основной породе крупнозернистого гранита. О правильной разработке тут, конечно, не могло быть и речи, а просто долбили камень "сколь мога".

— Порохом рвали, как же! — не без самодовольства объяснял проводник, заглядывая в глубину узкой каменной выработки.

Василий Васильич только качал головой над этою работой мурзинских предпринимателей. Так могли «руководствовать» только люди, никогда не видавшие, что такое правильная работа. Выбирался один камень за другим, пользовались каждою трещиной, где можно было заложить зубило или железный лом, и додолбились таким образом до глубины четырёх сажень. О предохранительных мерах на случай несчастья, о крепях и других приспособлениях при горных работах никто и не думал, и такие мурзинские копи, дей-

ствительно, правильнее всего назвать ямами, как называют их сами рабочие.

— А как эта яма у вас называется?

— Тальян называется, — гора Тальян, — ну, и яма Тальян. А дальше пойдут Слопсовская яма, Герасимовская яма — всех и не пересчитаешь. Прежде-то больше робили под Мурзинкой, а теперь ямы отдалели к Алабашке.

— А как работаете: артелью или от подрядчика?

— Известно, артелью... Потому, это какая работа: земляное положение, ничего неизвестно, а что бог пошлёт. Подрядчику невозможно...

— Если подрядчику невыгодно, так и артели тоже?

— От свободности ищутся, так оно расчёт есть... Например, в великое говенье делать хрестьянину нечего, вот собьётся артелка и пойдёт искать. Артелка в яме руководствует, а Якунька или Пронька, примерно, сидят вот таким манером на борту и покупают камень... Всё форменно. Нашли гнездо аматитов, сейчас Пронька: "Выставляю полведра", а ежели один камень полштоф, два пол-

штофа. У каждого камня по росту и цена своя...

— Значит, и расчёт у ямы?

— А из-за чего стали бы руководствоваться страстью? Другая артель, напримерно, закарячилась перед Пронькой: не согласны за полведра. Ну, тогда иди к другим скупщикам в Луговую, а те ещё меньше дадут, потому как они свою линию ведут...

— Отчего же в город не везут камни? Там больше дадут...

— Как не возить, барин, возим, и даже весьма возим, а толк один. Тоже и в городе цены везде обидные, ежели, напримерно, по работе ценить... Походит-походит мужик с камнем-то, да и отдаст, за что дадут. Выгоднее для нас с Пронькой: первое — не ездим в город, а второе — деньги из руки в руку. Положим, он тебе четь цены даст, да деньги-то сейчас.

— А как попадаются камни в жиле?

— Вот видишь, как она идёт в породе-то, — ну, около неё камень и разбираешь. Где жила раздулась, там пустое место, а в пустом месте и сидят аматисты... Всякого сословия камень по-своему крепится в жиле: который поде-

шевле, так он груднее, а который подороже, так тот совсем один попадётся. Всё от счастья, кому что пошлёт господь-батюшка: одному на полштофа, другому и на целое ведро. Трудная эта работа, не приведи бог, а так от свободности руководствуем, потому как с измальства другие бывают любопытные... Прежде-то лучше камни попадали, так и по сотельной получали за струганец.

Осматривать больше ничего не оставалось, — за первую ямой следовала такая же другая, потом пробные ямы, где жилы оказались «холостыми». Мы тронулись в обратный путь. Наш проводник весело подёргивал возжами, и коробок катился под гору, как по маслу.

— Видели теперь всю работу, — с улыбкой говорил Василий Васильич. — Больше и смотреть нечего: все ямы, как одна... Глубже одиннадцати сажень нет ни одной. Вообще это не работа, а какое-то свинство!..

— Вот что, скажи ты мне, барин, — обратился к нему проводник, когда мы подъезжали к селенью. — Прежде считали так: полштоф, а в полштофе две четушки... Так я гово-

рю? А нынче, напримерно, Пронька так говорит: "бери половинку". Это он четушку половинкой зовет... Нам это убыточно, потому как четушки и цены у нас не было на камень, а только в кабаке целовальники меряли, а тут вышла эта самая половинка... Обидная эта половинка для нас, потому как у Проньки или у Якуньки две-то половинки точно больше полштофа выходят.

— Глупое слово, и больше ничего.

— Это ты верно, только счёт-то другой... Прежде так Пронька-то и говорил: "бери два полштофа", а нынче у него выходит три половинки... Обидно это нам.

Всех копей цветных камней насчитывают около сотни. Разбросаны они на сравнительно незначительном расстоянии вёрст в двадцать по протяжению от севера к югу, а в поперечнике эта полоса едва займёт вёрст десять. Конечно, распространение цветных камней гораздо значительнее, но здесь мы имеем дело только с территорией их эксплуатации. Копи занимают, главным образом, угол, который образует река Шиловка, впадающая в Нейву с правой стороны, а затем другой угол

между Шиловкой и рекой Амбаркой. Отдельное место занимают копи по реке Алабашке, впадающей в Нейву с левой стороны. Таким образом, получается такая географическая картина: полосу цветных камней, имеющих главное простирание с севера на юг, река Нейва пересекает почти в середине, принимая в себя на севере реку Алабашку, а на юге реку Шиловку с её притоком Амбаркой. Слава собственно мурзинских копей давно уже миновала, и, как это бывает, остаётся только одно название. Самые богатые копи на реке Алабашке. Область добывания цветных камней находится в дачах Алапаевских и Верх-Исетских заводов, но принадлежит Кабинету в качестве регалии и разрабатывается государственными крестьянами местных волостей, — разберите теперь, кто тут настоящий хозяин? Но промысел цветных камней настолько невыгоден, что никто не вступает в него и мурзинский мужик «руководствует» это дело по своему усмотрению. Вся «форма» заключается в том, чтобы "выправить билет" от гранильной фабрики в Екатеринбурге, стоящий, кажется, что-то около трёх рублей. Ед-

ва ли казна имеет большой доход от этих билетов, и дело идёт само собой.

Интересны названия самых копей «Тысячница», "Тридцатирублёвка", «Семидесятная», "Сторублёвка", «Золотуха», но есть и «Сиротка», "Голодный лог" и просто: «Свистунья». Конечно, есть «Стаканница» и «Косуха» и даже «Поцелуиха», что звучит уже совсем нежно. «Казённица» и «Генеральская» остались воспоминанием о добром казённом времени, когда самоцветы добывались казённым иждивением, а "Спирина жила", "Никитин ров", «Федюниха» и «Петруниха» говорят о частном «средствии». На разных копиях добывается и разный камень. Всего больше копей занято добычей аметистов, около половины всего числа. Один горный хрусталь добывают только в «Хрустальнице», в "Бужениновом бору" жёлтый и в «Шегре» — золотистый. Одни аквамарины находят в «Казённице», "Мыльнице" и «Безымянке», одни бериллы в «Поскотинской». Обыкновенно все другие камни сопровождает горный хрусталь — бесцветный, дымчатый, золотистый. Топазы встречаются в восьми копиях: "Мыс 1-й" и "Мыс 2-й", "Голод-

ный лог", «Междудорожница», "Тяжеловесица", «Золотуха», "Чернуха", "Корнилов лог", но не одни, а вместе с бериллами и аквамаринами, — здесь речь идёт о благородном топазе или тяжеловесе, который не следует смешивать с горным хрусталём, носящем на рынке совсем не принадлежащее ему имя топаза. Особенно часто встречаются чёрные турмалины (шерл), и в одной копи — "Корнилов лог" попадаетса сапфир. К числу редкостей мурзинских копей нужно отнести два минерала, которые только здесь и находятся: это — пирит (он попадаетса на полевом шпате из копи "Голодный лог") и родицит (на розовом турмалине из копи "Сарапульская"). Эти минералы имеют ценность только для минералогических коллекций, а в поделках совсем не встречаются. Есть ещё третий редкий минерал, встречающийся тоже только в Мурзинке: это — «мурзинскит». Он попадаетса внутри топазов и совершенно бесцветен. Эти два последних минерала, то-есть — родицит и мурзинскит, настолько редки, что их, кажется, никто не видал, кроме тех учёных, которые их открыли.

Нам остаётся ещё сказать несколько слов о величине этих копей. Самая большая «Дерниха» — длина 625 сажень, ширина 30 и глубина $2\frac{1}{2}$ саж.; самая маленькая "Кривая 2-я" — длина 14 саж., ширина 5 и глубина 2 саж. Наибольшая глубина — «Ледянка», "Ерилова" и «Золотуха» — достигает 11 саж.; наименьшая 2 саж., как в "Кривой 1-й" и «Сарапульской». Наибольшую ширину имеют копи: "Богатое болото" — 100 саж., "Зырянская дерниха" — 75 саж., по 50 саж. "Голодный лог", «Ягодная», "Валок", «Мерениха». Схематически всю полосу выработанной земли можно представить по указателю мурзинских копей П. В. Калугина следующим образом: если бы соединить все 75 перечисленных в указателе копей в одну, то получился бы ров в 12 вёрст длины, $13\frac{1}{2}$ сажень ширины и $4\frac{2}{3}$ сажени глубины. Конечно, эти цифры приблизительные, и о количестве работы по ним судить довольно трудно, потому что главный труд при разработке копей заключается не в выемке земли, а в добывании сплошного камня, как на Тальяне.

Разработка копей ведётся крайне неровно.

Бывают совсем глухие года, когда "камень нейдёт", а, в большинстве случаев, добывается какой-нибудь один камень: нынче нашли хорошую аметистовую копь, в прошлом году добывали топазы и т. д. От этого обстоятельства много зависит цена на камень; меньше добыча камень дорожает, открыли новую копь — цена на него быстро падает. Случайность работы здесь сказывается прежде всего, а параллельно с ней «играет» и цена. Самый расхожий камень из мурзинских самоцветов это — аметист, который проник далеко в Европу и крепко держится на рынке. Ценятся больше всего аметисты тёмной воды, впадающей в синие тона. Гранильщики и ювелиры охотно его покупают, как доступное украшение для покупателя средней руки.

Другое дело с топазами или бериллами: торговля ими падает с каждым годом, потому что на рынке с ними отчаянно конкурируют искусственные камни, которые и дешевле и красивее. Эти камни скоро будут иметь значение только для любителей или для минералогических коллекций. То же самое можно сказать и о разных сортах турмалина, тем более,

что этот камень при огне теряет свою игру. Впрочем, и добыча турмалина уменьшается с каждым годом, особенно розового, а чёрный шерл ценится слишком мало. Местное уральское название турмалина — шерл. Он встречается разных цветов: синего, зелёного, розового, коричневого и чёрного.

"Шкатунка" Самойла. — Зелёная крыша и гостеприимные ворота. — Сумасшедшие цены на самоцветы. — Сама мамынька Ульяна Епифановна и её коллекция топазов. Поездка в Калташи. — Поповский самоцвет и «любопытный» человек Данила. — Как добывают на Положихе сапфиры и рубины. — Потерянный алмаз.

После осмотра Тальяна в Мурзинке нам нечего было делать. Нужно было отправляться дальше, т. е. в Южакову, где живёт в своём роде знаменитость Самошиха. Дорога опять шла полями. В воздухе звенел невидимый жаворонок, даль заволакивалась дрожавшими переливами марева, где-то далеко, далеко, как свеча, красовалась белая сельская церковь. Нейва ушла влево, а мы ехали по течению реки Шиловки. Южаковых три: Старая, Новая и Большая. Эти раскольничьи деревни плотно засели по течению реки Амбарки, впадающей, как мы уже говорили, в Шиловку.

— Эвон зелёна-то крыша: это и есть Самошиха, — объяснил старик ямщик, один из продавцов мурзинских камней. — Светленько поживает наша Ульяна Епифановна.

— Зачем вы её Самошихой называете?

— А по мужу: муж Самойло был, вот и вышла Самошиха. Он, Самойло-то покойник, попервая всех прочих дело обдумал. Такой же вот мужик был, как и мы, а только обхождение имел всё больше с господами. Сначала-то, известно, всё в Екатеринбург носил камешки, к мастерам да в магазины к купцам, а тут много не возьмёшь, сами на том стоят. Вот Самойло и присмотрел уж настоящих покупателей из господ, чтобы миновать купцов. Поезживал он таким манером года два и доездився: по-перву возил камешки в голенище да за пазухой, а потом завёл шкатунку да этакой кожаный... ну, как его звать то?...

— Сак-вояж?

— Он самый, видно, с замком. Вот с кожаным-то он уж, прямо сказать, махнул в Нижний, на ярманку, а оттедова на Москву. Везде высмотрел настоящих любопытных на камешки господ и опять с кожаным-то, например, домой, да дома-то сейчас оборот — у того камешок возьмёт, у другого, у третьего — у кого за наличные, у кого исполу, у кого в долг. Набил камням и шкатунку, и кожаный,

да уж прямо в Петербурх... Вот он какой, Самойло-то, дошлый, до всего обозначился! Здесь перевернётся медным грошом, а там к барину подкатится рубликом. Ну, примерно, домой выворотится, опять себя не обнаруживает: "Ох, продешевил камни... Себе в убыток съездил!" Он жалится, а мы его жалеем. Вот он каков человек был, прямо сказать — министр. Большие тысячи нажил и жену научил... Как Самойло-то помер, так Ульяна Епифановна сама стала орудовать, и можно сказать так что много даже превосходнее своего-то мужа. Уж она не пропустит ни единого камешка, все узорит, а потом склалась-свернулась и поехала везде. Вот и вышла Самошиха.

— Да, ведь, не одна Самошиха торгует камнями?

— Известно, не одна. Вон из Токовой Орловы тоже промышляют, — ну, да те попроще будут. Не достигнуть им до Ульяны Епифановны.

От Мурзинки до Южаковой всего вёрст семь, и мы незаметно, в разговорах, подъехали к "зелёной крыше" Ульяны Епифановны.

Большой полукаменный дом глядел на улицу большими окнами сыто и довольно. Сзади его подпирали «службы»: стаи, сеновалы и разная хозяйственная городьба. На звон дорожных колокольчиков показалось в окне сердитое старушечье лицо и сейчас же скрылось. Ямщик весело подмигнул: "Сама воевода дома". Крепкие ворота, конечно, были на запоре, где-то отчаянно заливалась охрипшим лаем собака.

На наш стук в ворота предварительно слышалась осторожная беготня босых ног по двору, потом захлопали где-то дверью, и только уже после этого слышался за воротами голос:

— Кто там хрецоной?

— Приехали посмотреть камни.

Опять беганье босых ног, удушливый лай свирепого пса, и только после этой интродукции грянул железный запор, и гостеприимно отворившиеся ворота впустили нас внутрь деревянной крепости. При нашем появлении лаяли уже целых три собаки: цепной пёс только изнеможенно брехал, но зато яростно наступали два других, гулявших по двору без

цепи.

— Нельзя ли собачек того... — бормотал мой Василий Васильич, выделывая лёгкое *pas de deux*[2] прямо к крыльцу.

— Ничего, ничего, — успокаивал нас молодой человек, отворивший ворота. Вам насчёт камней? Пожалуйста наверх... Мамынька дома...

Я забыл сказать, что в цоколе дома снаружи были вделаны большие щётки раух-топазов, а во дворе весь карниз нижнего каменного этажа был завален такими же щётками. Очевидно, это была ненужная ломь, выбросить которую на улицу, всё-таки, жаль, — деньги плачены. Молодой человек одет был совсем просто: в ситцевую рубашку — и только. Босые ноги не рекомендовали хозяйского сына. Простой холщёвый запон прикрывал все недочёты в костюме. Молодой человек весело осмотрел нас и, видимо, взвесил сразу, что, как покупатели, мы не заслуживаем особенного доверия.

— Пожалуйста наверх.

Прежде чем попасть наверх, мы, через тёмные сени, должны были спуститься в нижний

этаж, а потом уже по лесенке подняться кверху. Парадное крыльцо существовало, но, кажется, было заколочено наглухо. В нижнем этаже мы встретили невысокую старуху, одетую в синий сарафан. Она повернулась к нам спиной, а молодой человек улыбнулся. Я сделал предположение, что это и есть сама «мамынька», но только за что она сердится на нас и чему смеётся весёлый молодой человек? Большой снаружи дом внутри оказался совсем небольшим, как умеют строиться только свои доморощенные архитекторы. Обстановка комнат на среднюю купеческую руку, даже меньше того: деревянные стулья, жёсткий диван, несколько шкафов и т. д. От таких домов всегда веет нежилым холодом, и гость напрасно будет искать, где живут сами хозяева. Этот холодный парад устраивается в жертву неведомым гостям, бывающим здесь, может быть, в десять лет раз, а хозяева в это время ютятся в какой-нибудь мурье или в таинственной задней комнате. Ульяна Епифановна, видимо, отлично усвоила этот способ существования богатых людей и всё устроила форменно.

— Вам каких камней? — спрашивал молодой человек, подводя к двум шкафам, стоявшим посредине комнаты.

— Да какие есть, те и посмотрим.

Начался подробный осмотр мурзинских сокровищ, которые даже на первый взгляд оказались очень сомнительными. Видимо, что оставался «оборот», а настоящие камни или отсутствуют, или спрятаны в более надёжном месте, чем стеклянный шкаф. Топазы, бериллы, шерлы, раух-топазы отдельными экземплярами и штуфами, но все средней руки.

Чтобы поддержать своё реноме покупателя, я выбрал один кристалл топаза и спросил цену.

— Три рубли-с.

— Ага!

Отложили топаз и перешли к штуфам. Дороговизна на всё такая, что у средней руки покупателя волосы могут встать дыбом, но опять репутация прежде всего. Топаз, впрочем, хорошей синеватой воды, какую и славятся настоящие мурзинские топазы.

— Что же у вас мало камней?

— Как мало? Помилуйте... Может быть,

вам гранёных-с?

— Как гранёных?

— Мы сами граним у себя дома.

— Ага! Может быть, и стекло граните, как екатеринбургские мастера?

— Нет, зачем же! Мы этому не подвержены, чтобы, напримерно, стекло... А только оно способнее, ежели дома... Гранильщик ещё украдёт камень, а тут в своих руках.

— Всё-таки мало камней и смотреть нечего.

— Брат в Париж на выставку увёз.

— Ну, это другое дело.

— А вы у мамыньки спросите, у ней их весьма достаточно.

— У вас разве отдельно камни?

— Отдельно. Она свои камни нам не показывает, потому боится, как бы не завладели. Прячет где-то.

Рассматривая камни, Василий Васильич закурил папиросу.

— Ты это чего задымил-то? — слышался за нашими спинами сердитый старушечий голос. — Я этого не люблю!

Это была сама Ульяна Епифановна, имен-

но та старушка в тёмном сарафане, которую мы видели в нижнем этаже. Невысокая, худощавая, с острым носом и насквозь глядящими глазами, она являлась типичною представительницей зауральского раскольничьего мира. Василий Васильич распахнул окно и выбросил папиросу на улицу.

— Ещё дом спалишь! — уже менее сурово проговорила любезная хозяйка.

— Ульяна Епифановна, можно посмотреть у вас камни?

— Какие камни? Никаких у меня камней нет. Старуха круто повернулась и вышла из комнаты. Молодой человек смотрел на нас и улыбался.

— Вот она у нас какая, мамынька-то, — заметил он с своею добродушною улыбкой. — Не вдруг к ней подойдёшь...

Пришлось заняться пересмотром всё тех же шкафов. Меньше рубля и цены нет, когда такие же точно камни в Екатеринбурге стоят в десять раз дешевле. Стоило за этим ехать в Мурзинку! Спрашиваю о причинах такой разницы в ценах.

— Да это всё мужики виноваты, — объяс-

нил молодой человек. — Найдёт камень, тащит его в город, да там и пойдёт по дворам... Деньги нужны, — ну, и отдаст, за что дадут. А хороший-то камень настоящего покупателя года три ждёт... Вот брат в Копенгагене на выставке сколько камней профессорам продал: наш камень для коллекций идёт.

— Значит, ваш брат и в Копенгагене был, а теперь в Париж уехал? удивлялся Василий Васильич.

— Нужда гонит, потому, сидя здесь, не скоро покупателя дождёшься. Вот купите алмадинчик... Весёленький камешок... А то рубины есть из Калтышей: те ещё повеселее будут, особенно при огне.

— Как же из Калтышей к вам камни попадают?

— А случаем... Вот изумруды, так те мы вымениваем на аметисты. На наличные всего не выкупишь... Да и дорожатся нынче мужики: принесёт камень, да и не знает сам, что за него просить. Ну, а потом в город за бесценок спустит.

Пока мы рассматривали камни и торговались по всем правилам искусства, Самошиха

успела куда-то сходить и вернулась с таинственным узелком в руках. Она молча присела к столу и, не торопясь, принялась развязывать довольно грязный ситцевый платок. Мы обступили её и с нетерпением дожидались конца этого священнодействия. Из платка, как из рога изобилия, посыпались самые крупнейшие топазы, какие мне только случилось видеть. Видимо что все они были из одного гнезда: и цвет, и блеск, и форма одинаковые. Вообще, редкой красоты камни, и если что их портило, так это бутылочно-зеленоватый цвет воды. Больше синеватые ценятся. Выбрав самый маленький кристалл, я спросил о цене.

— Не продаю... — довольно резко ответила старуха.

— Кому-нибудь другому будете же продавать?

— Всё гнездо зараз продам.

— А сколько цените их?

— Да меньше трёх тыщ не пойдут.

Всех камней было штук пятнадцать, следовательно, средняя цена за камень получалась около двухсот рублей. Ничего, красные де-

нежки.

— Кому же вы их будете продавать, Ульяна Епифановна?

— А в Петербург... Кокшарову, Николаю Иванычу, покажу, Докучаеву, Гельмерсену прежде возила. Они меня все знают... Есть ещё у меня одна штучка, только на охотника.

Порывшись где-то в кармане, старуха достала ещё платок и, развернув его, показала шуф из мелких, бесцветных топазов. Это, действительно, была редкость.

— Даром отдаю: всего сто рублей... — объяснила она. — Теперь, может, тыщи камней сквозь мои руки прошли, а такого ещё не попадало... Одна ошибочка: белый камень.

Белыми называют и мастера, и скупщики, и публика бесцветные камни, как было и в настоящем случае. Сменив беспричинный гнев на милость, Ульяна Епифановна помаленьку разговорилась и даже предложила нам "откушать чайку". Но нам было некогда, да и лошади ждали. Поблагодарив старушку за любезность, мы простились.

— Вы к зятю заверните, — посоветовала она на прощанье. — Вот тут рядом... Может, у

него что найдёте подходящее.

Зять жил так же крепко, как и тёща, но камней у него было уже совсем мало, — всего один небольшой шкафчик, в каких держат посуду. Дорожился он, однако, больше тёщи, так что мы даже из любезности ничего не могли у него купить.

— Тут есть ещё один мужичок, тоже любопытный насчёт камней, — объяснял ямщик. — Может, он подешевле окажет себя.

Когда мы уже садились в экипаж, проезжавший по улице мужик крикнул выглядывавшей в окно Самошихе:

— Ей, Епифановна, насколько омманула господ?

Любопытного насчёт камней мужика мы не застали дома и удовольствовались тем, что приобрели у Самошихи. Вообще, насколько я убедился по личному горькому опыту, покупать что-нибудь на месте, из первых рук, всегда втрое дороже, чем купить то же самое из десятых рук и, притом, у себя дома, в Екатеринбурге. Расчёт самый прямой: люди притащились куда-нибудь в Мурзинку из города, — для Зауралья городом является только Екате-

ринбург, — значит, им нужны камни, а если нужны, то за ценой не постоят. Получается логическая выкладка, не лишённая основательности.

Резюмируя общее впечатление, оставленное мурзинскими копиями, могу сказать только одно, что оно не в пользу мурзинской славы. Самоцветы разделяют общую участь других уральских богатств: промысел хищнический, если только можно назвать промыслом копание безобразных ям. Ни знаний, ни правильной работы, ни разумной предприимчивости, а главной двигательной силой является полштоф и кулачество. Полнейшая случайность, риск на даровую работу собственных рук и объегоривание, конечно, никогда не создадут правильного промысла, который дал бы кусок хлеба местному населению или пришлому рабочему. Дело обставилось таким образом, что при существующих условиях идти копать новые ямы — чистое сумасшествие, и на эту египетскую работу могут подвигнуть только такие дикие стимулы, как жажда полштофов. В конце-концов, если сравнить стоимость затраченной на добывание мур-

зинских самоцветов работы, с одной стороны, и полученные за неё полуштофы — с другой, то вывод один: в общем складе мужицкого хозяйства даже этот случайный промысел является полнейшим дефицитом. Заработки на добывании камней могли бы послужить прекрасным подспорьем крестьянскому хозяйству, но мы, к сожалению, ничего подобного не видим. Добыванию самоцветов на Урале больше ста лет, но до сих пор оно не выбилось из самых примитивных форм. Нет ни учреждений, ни частных предпринимателей, которые поставили бы этот промысел на разумные основания, а такая работа окупилась бы с лихвой.

На обратном пути из Мурзинки в Невьянск мы завернули в Калтыши, где сравнительно недавно открыты сапфиры и рубины. От Мурзинки до Калтышей что-то около 50 вёрст, но, чтобы попасть туда, нужно было сделать небольшой круг, именно ехать в Невьянск не через Петрокаменский завод, а на Черемиску и Аятскую. Разница пути незначительная, а от Черемиски свернуть в сторону всего вёрст пять. Калтыши — небольшая деревушка, дво-

ров с сотню. Она залегла по берегу большой реки Режа. Мы ещё в Черемиске наводили справки относительно калтышских рубинов и сапфиров, но, как и везде, ничего определённого не могли узнать.

— У попа, сказывают, есть хорош камень... — отвечает хозяин нашей квартиры. — Сотельную поп-то просит за камень...

— Ну, а в Калтышах кто занимается скупкой камней?

— Окромья Данилы некому... Он, значит, ищется, а потом в город камни возит. У па-то камень тоже из Калтышей... Приедете в Калтыши и спросите прямо Данилу, а уж он всё вам обозначит.

К нашему несчастью, мы Данилу дома не застали, — он только что уехал в город. Он ещё только начинал дело, и было интересно посмотреть, в pendant[3] к Самошихе, на кулака in statu nascendi,[4] а что Данило будет таким же кулаком, так в этом не может быть ни малейшего сомнения. Мы отправились к месту добывания сапфиров и рубинов одни. Это всего в версте от деревни, где в Реж впадает жалкая речушка Положиха, вырывшая глубо-

кий лог. Настоящая картина этого лога самая обычная для Урала: он весь изрыт сначала дуровыми крепостными руками "в казённое время", а потом перерывается ещё раз вольным трудом. Этот вольный труд фигурировал и сейчас в лице пяти мужиков и трёх баб, перемывавших старые отвалы. Речка Положиха впадает в Реж с левой крестьянской стороны, где раскинулись пашни, а противоположный берег Режа покрыт лесом, — это начало заводской Режевской дачи.

Наше появление остановило работу. Двое мужиков работали в забое, выбрасывая серые пески наверх, третий подвозил их к вашгерду, а бабы промывали. Золото здесь давно «изубожилося», а работали из-за хлеба на воду, Калтыши уже принадлежали к заражённой золотом лихорадочной полосе.

— Бог на помочь.

— Спасибо.

— Каково идёт золото?

— Какое наше золото, барин... Только одно звание, что золото: седьмая вода на киселе. Ещё казна всё наше золото выробила, а мы борта домываем...

После этого необходимого вступления мы перешли уже к расспросам о том, где и как добываются калтышские самоцветы.

— Да тут наезжал года с три назад мурзинский барин, так он любопытничал, — объяснял один из рабочих.

— Какой мурзинский барин?

— А Фёдор Иваныч... Фамилиев-то мы не знаем. Он первый, потому как мурзинским это самое дело привычное. Ну, а потом наш Данило любопытничает... Вот бабы промывают пески, а он на вашгерде досматривает.

— И много попадается этих камней?

— Какое много: когда что попадётся... Ну, Данило у баб скупает, а потом в город. На прошлой неделе Дарёнке на сарафан попало: ловкий камешок обыскала... Ну-ка, бабы, на счастье господам поищитесь!

На вашгерде уже происходила смывка песков и начались поиски. Промытые пески были свалены на железный лист и бабы долго перебирали их руками, отыскивая на счастье синенький или розовый камешок. Но счастье наше оказалось плохим, и бабы только напрасно потеряли время: не попалось ни одно-

го камня.

— Вот порода есть... — указала одна из баб, искавших счастья. — А настоящего нет... Настоящий-то зияет, как искорка.

Образцы «породы» оказались обломками корунда грязно-бурого цвета. Мы подробно осмотрели почти весь этот лог на протяжении версты и ничего особенного не могли найти. Бабы указали несколько мест, где находили хорошие камни, но всё это были старые казённые отвалы, а не целые места. В общем можно сказать то, что рубины и сапфиры здесь встречаются в золотоносной россыпи, а не в коренных месторождениях, как мурзинские камни. Жилы сапфиров и рубинов должны лежать где-нибудь выше, откуда уже сносятся в Положиху, вместе с песками, только обломки. Но этих коренных месторождений пока ещё никто не искал.

Приведу о Калтышах один интересный случай, переданный мне большим любителем и знатоком камней, Д. П. Шориным, проживающим в Нижнем Тагиле. У него одна из лучших минералогических коллекций на Урале, и мурзинские мужики несут к нему

свои самоцветы. Между прочим, раз принёс ему самоцвет какой-то калтышский мужик и этот самоцвет оказался настоящим алмазом в полкарата весом. Замечательно то, что сохранилась выпуклая грань, характерная для этого царя самоцветов; я видел этот калтышский алмаз и говорю, как очевидец. Интереснее всего то, что мужик нёс два камня — маленький и большой. Дело было зимнее, и он, чтобы не потерять, нёс их в напалке рукавицы. Но дорогой большой камень, всё-таки, «обронил», а принёс только маленький. Если верить мужику, что потерянный камень блеснул так же, как маленький, то это, вероятно, был тоже алмаз. Калтышские рубины и сапфиры попадают довольно часто в продажу, но хороших камней мне не случалось видеть. Важно здесь то, что пока открыта россыпь, а, вероятно, в недалёком будущем найдут и коренное месторождение.

VI[5]

Геологическое строение полосы, где расположены мурзинские копи. — Топазы и бериллы. — Горные хрустали. — Малиновый шерл. — Изумрудные копи на р. Токовой. — Камни на Востоке и у классических народов. — Связанные с ними суеверия и посвящения. — Камни древней Руси. — Переходящая мода на камни в новейшее время и современное нам суеверие. — Горное идолопоклонство.

Считаем необходимым сказать несколько слов о геологическом строении среднего Урала, в связи с которым находится местонахождение различных самоцветов, а в данном случае — мурзинских камней. Геологи определили уже давно, что кристаллические сланцы среднего Урала как бы разорваны четырьмя полосами гранита. Западная и две средних гранитных полосы особенного значения не имеют, но зато восточная полоса, в которой мелкозернистый гранит сменяется жилами крупнозернистого (пегматит), несёт в себе изумительные по богатству, разнообразию и мощности сокровища. Именно в такой полосе крупнозернистого гранита и находятся мурзинские копи. Этот гранит состоит из желтоватого полевого шпата, небольшого количе-

ства тёмно-бурого кварца и тёмно-серой слюды. В трещинах и пустотах этой гранитной полосы и встречаются самоцветы, образуя друзы или свободно лежащие в жёлтой глине отдельные кристаллы. Такая глина является результатом разрушения полевого шпата. Мурзинские топазы, встречаясь с друзами, обыкновенно вырастают в полевой шпат или гребенчатый алабит, вместе с раух-топазами и чёрными турмалинами. Опытный глаз по этой комбинации сразу определит мурзинский штуф. Так же встречаются и бериллы. Замечательно то, что топаз и берилл почти не встречаются на одном штуфе, хотя одинаково перемешиваются с полевым шпатом, раух-топазами и чёрными шерлами.

Мурзинский топаз делится на две разновидности: один розоватой или синеватой воды, а другой совершенно бесцветный. Эти две разновидности отличаются величиной, именно: первая достигает значительной мощности, а вторая — не больше двух дюймов в длину и ширину. Так, в музее горного института хранится экземпляр топаза первого рода в 4 дюйма и 9 линий длины и в 4 дюйма и 6 ли-

ний ширины*****. В музее Московского университета хранится тоже громадный кристалл топаза цвета морской воды; длина его 3 дюйма без двух линий, а ширина около пяти линий. Вес мурзинских топазов достигает до пяти фунтов, а ценность — до нескольких тысяч за один такой экземпляр. В прежние времена топаз ценился вообще очень высоко, как редкий драгоценный камень, но когда были открыты мурзинские копи, а затем такие же копи в Саксонии, в Бразилии и в Сибири, цена на топазы быстро понизилась и, кажется, больше не поднимется. За этим камнем осталась привилегия специального существования для минералогических коллекций, а как украшение он почти уже вышел из моды, за исключением экземпляров, окрашенных в розовый, синий и винно-жёлтый цвета. Из этих не-мурзинских топазов можем указать на громадный сибирский топаз, добытый в городе Урульге в Восточной Сибири, весом в 25 фунтов 71 золотник. К сожалению, этот единственный экземпляр найден был разбитым на две части и, притом, он винно-жёлтого цвета, который обыкновенно

бледнеет. Оценён он в 2 000 руб. Цена топазов достигала до 10 000 руб., а у Великого Могола хранился топаз, за который было заплачено 271 500 франков. На Урале розовые топазы встречаются только в Оренбургской губернии, по берегам речек Каменки и Синарки, а винно-жёлтые на Южном Урале и в Сибири. К недостаткам топазов вообще относится их свойство терять свой цвет под влиянием солнечного света.

Мурзинские бериллы встречаются при таких же условиях, как и топазы. Преобладающий цвет — травяно-зелёный или жёлтый. Самой лучшей воды — мелкие кристаллы. В музее горного института хранится экземпляр мурзинского берилла весом в 6 фунтов и 11 золотников, в длину от 5 1/2 дюймов, а в окружности 6 1/2 вершков. Он найден был в 1828 году около деревни Алабашки в Старцевой яме и оценён в 15 000 руб. на ассигнации. В Северной Америке попадаются бериллы до 5 пудов весом один кристалл, но, к сожалению, они не годны к обработке. Особенно славятся сибирские бериллы синего цвета. Бериллы синеватого цвета называются аквама-

ринами (aqua marina). Мурзинские бериллы славятся как лучшие в свете и очень ценятся в поделках. Много бериллов попадает также в Южном Урале.

О значении аметиста, как расхожего камня, мы уже говорили. Этот минерал, по преимуществу, встречается только в кварцевых жилах, которыми прослаивается гранит. Такие жилы кварца не отличаются особенною величиной и наполнены пустотами, в которых, главным образом, и встречаются щётки аметистов. Уральский аметист не знает соперников, хотя бразильские аметисты и окрашены гуще. Ещё ниже бразильских ценятся саксонские, шотландские и тирольские аметисты, которые на рынке камней почему-то носят общее название "богемских аметистов". Аметист легко обдывается, сравнительно недорог и поэтому остаётся любимым камнем средней публики, Конечно, существует масса подделок, но настоящий аметист всегда легко отличить: стоит только опустить его в чистую воду, и вся краска в камне сбежит в одну точку или образует неправильные полосы. К недостаткам аметиста относится то, что

он, как дымчатые топазы и благородный топаз, окрашен каким-то органическим веществом и может терять первоначальный цвет. Вообще, все почти камни подвержены этому процессу более или менее быстрого обесцвечивания, почему и трудно найти в лучших коллекциях камень "первой воды". Попутно с аметистом особенно много встречается горного хрусталя как бесцветного, так и дымчатого. Этот не особенно видный камень в промышленности и торговле едва ли имеет не больше значения, чем его дорогие собратья. По крайней мере, до сих пор русские горные хрустали удерживают за собою рынок в Западной Европе, а идёт их туда со всего Урала и из Сибири несметное количество. Отдельные экземпляры дымчатого горного хрусталя достигают веса в несколько пудов. Один такой кристалл стоял, вместо тумбы, у какого-то дома в Екатеринбурге, пока его не заметил проезжий минералог и не отправил, как редкость, в один из столичных музеев. Самыми ценными остаются, всё-таки, мурзинские горные хрустали, особенно золотистого или розового цвета. Это последнее вызывает, конечно, усиленную

подделку: обыкновенно отжигают раух-топазы, запекая их в тесто.

Нам остается ещё сказать несколько слов о малиновом шерле, которым славятся шайтанские копи — отделение мурзинских. Камень очень красивый и бойко идёт в поделках, но у него два недостатка: он теряет блеск при искусственном освещении и не может быть сравнён даже с самым плохим рубином, а, во-вторых, месторождение розового турмалина давно уже выработалось. В прежние времена находили камни длиной в 4–5 дюймов, почти цвета рубина. Самые лучшие экземпляры встречались в виде лучистых сростков. Турмалины других цветов особенной ценности не имеют, да и встречаются сравнительно редко, за исключением малоценного чёрного. Турмалинов много на Южном Урале, и вообще это довольно распространённый камень, как примазка к другим породам. Всё-таки, слава лучших малиновых шерлов остается до сих пор за Мурзинкой, как лучшие зелёные шерлы получают из Бразилии и в торговле известны под именем бразильских изумрудов. В музее горного института хранится щёт-

ка малинового шерла в 10 фунтов 72 золотника, найденная около Нерчинска.

Этим исчерпываются сокровища мурзинских копей. Появившиеся сравнительно недавно рубины и сапфиры из Калтышей пока в счёт еще не идут, как случайная находка. То же самое можно сказать и об уральских алмазах, хотя их находили и находят небольшими зёрнами в разных местностях. Первое место по местонахождению алмазов мы должны отнести Крестовоздвиженским золотым промыслам, где в первый раз были найдены уральские алмазы. Всех алмазов найдено несколько десятков, но ни одного большого.

В заключение скажем несколько слов о других цветных камнях, которые встречаются на Урале, и в частности о прославленных уральских изумрудах.

Уральские изумруды открыты случайно в пределах так называемой Монетной дачи, т. е. громадной лесной площади, приграниченной к упразднённому ныне монетному двору в Екатеринбурге. В 1831 г. крестьянин Максим Кожевников нашёл первые изумруды на правом берегу реки Токовой между кор-

нями вывороченного ветром дерева. От Екатеринбурга это будет на восток вёрст 60. Изумруды найдены были уже за чертой упомянутой выше четвёртой гранитной полосы, в области залегания хлоритовых и соподчинённых им слюдистых сланцев. Рабочие называют этот сланец сивяком. Вместе с изумрудами встречаются здесь бериллы, хризобериллы (цимофаны европейских минералогов, а у нас — александриты), фенакиты (белый изумруд), апатиты и рутиллы. Это единственное месторождение изумрудов во всей России, а фенакиты встречаются ещё на Южном Урале. Отдельные кристаллы изумруда достигают значительной величины. Фенакит — бесцветный минерал; иногда попадаются экземпляры, слабо окрашенные в розоватый или серый цвет. Гранёные фенакиты называются, по их блеску, "уральскими алмазами", так что они в этом отношении значительно превосходят лучшие мурзинские топазы; кристаллы фенакита попадались в несколько фунтов весом. Самые лучшие изумруды добывались в первое время, когда изумрудные копи разрабатывались казной. В это "казённое время", с

1831 г. по 1862 г., добыто изумрудов около 140 пудов, фенакитов 5 пудов и александритов 2 пуда 16 фунтов. Казна истощила месторождение и сдала его в аренду частным лицам. Но частные предприниматели ничего не могли поделаться, и сейчас изумрудные копи опять в руках казны, но не разрабатываются за невыгодностью. На заброшенных копиях «ищутся» разные непризнанные добровольцы и этим нелегальным путём кое-что ещё добывают. Лучшие камни были найдены на поверхности, а в глубине они оказались плохого качества. Александрит получил популярность, благодаря свойству изменять свой зелёный цвет при огне в фиолетово-красный. Он встречается мелкими гальками и отдельными кристалликами также в золотоносных россыпях Южного Урала.

Соперником Мурзинки по богатству и разнообразию минералов служат Ильменские горы, отрог Южного Урала. Там в доброе старое время, когда горные инженеры могли располагать даровую крепостную рабочую силу, заложены десятки всевозможных копей, но южно-уральский камень имеет скорее науч-

ное, а не промышленное значение. Кто составляет минералогическую коллекцию, для того Ильменские горы будут интереснее Мурзинки. Совершенно отдельно стоят месторождения синего корунда на реке Барзовке в Кыштымской даче и копь хризолитов около деревни Полдневой. Хризолиты напоминают цветом изумруд, но желтее.

Целятся так называемые чайные хризолиты, которые играют разноцветными огнями, как бриллианты. Для некоторых поделок идут ещё южно-уральские кианиты, напоминающие цветом сапфир, но много уступающие ему в твёрдости.

Из этого беглого перечня встречающихся на Урале самоцветов можно видеть, что на сравнительно небольшой площади встречаются почти все известные в поделках камни, за самыми незначительными исключениями, как бирюза, опал и некоторые другие. Дальше мы увидим, что этот незначительный пробел с лихвой вознаграждается разрядом минералов, какие встречаются только на Урале. Наконец, мы должны сказать, что о месторождениях уральских камней мы знаем слишком

мало, да и эти знания получились случайно, как например, открытие изумрудов. Можно предсказать без особенного риска, что в этом отношении Уралу предстоит ещё блестящее будущее, хотя он уже и теперь является ода-рённым природою с безумною щедростью, — нигде в целом свете не встречалось такого разнообразия минералов на таком сравнительно ограниченном пространстве и в таких мощных формах. Пока достаточно уже того, что Урал для минералогов всех стран является заветным краем, неисчерпаемою сокровищницей и, вероятно, таким останется навсегда. В ювелирном деле Урал славится своими синими топазами, фенакитами, александритами, малиновыми шерлами и аметистами в той же мере, как Перу славится изумрудами, Китай — шпинелями и Венгрия — опалами.

В заключение этого беглого обзора мы считаем не лишним привести несколько общих мыслей о драгоценных камнях для характеристики как их самих, так и менявшихся к ним отношений людей.

Долгое время родиной самоцветов считал-

ся жаркий юг, а существование их на севере отрицалось. Драгоценный камень, отличавшийся разными цветами радуги, казался человеку тою каплей, которая концентрировала в себе интенсивные краски южной природы, глубокую синеву южного неба и горячий блеск южного солнца. Первые самоцветы вышли из таинственных глубин Востока, может быть, с первым человеком, который обратил внимание на пёстрые гальки, как на даровое украшение; без всякого сомнения, этим первым человеком была женщина, та легкомысленно-кокетливая женщина, которую неудержимо притягивают яркое сочетание красок, пестрота и блеск. Самоцвет являлся чем-то таинственным, и около него сложилась густая сеть легенд, поверий и сказок, дошедших до наших дней. Разные волхвы, знахари и ведуньи обратили эти поверья в свою пользу, а также и примитивная медицина. Царь камней, алмаз, стоит здесь, конечно, на первом месте; он предотвращает от болезней желудка, помогает в тяжёлых родах, делает носящих его удобными царю, измельчённый в тончайший порошок и всыпанный в "султан-

ский кофе" отправляет ненужного восточному деспоту человека на тот свет, а в общем служит эмблемой чистоты и невинности. Бирюза — по преимуществу камень счастья, как отражение голубого неба и голубых глаз красавицы, а, вместе с тем, "бирюзу кто носит — не будет убит, понеже никогда не видали его (камень бирюзу) на убитом". Между прочим, бирюза прекрасно помогает при продаже испорченных лошадей и вообще при конокрадстве. "Изумруд, аще в питье положить, уймет смертоносную ядость, к укушению ядовитых змей уздравляет, говорит какая-то старинная хроника, — изумруд толчен и прият во внутрь в питии от окорму смертельного избавляет человека". Особенно видную роль в древности играли такие таинственные камни, как безуй или балангус: "вместе с хрусталем толченым ясти и медом (говорится о камне балангусе), ибо от него ум множится, жажда унимается". Средство, без сомнения, самое верное и, вероятно, от него происходит посейчас существующее народное лечение глазных болезней "приятим внутрь" толчёным хрусталём. Греки и римляне не избежали суевер-

ного отношения к камням, заимствованного, без сомнения, с Востока. Особенно была развита у этих классических народов страсть к амулетам, предохранявшим от порчи, от дурного глаза и разных болезней. Так, аметист служил, по мнению римлян, прекрасным предохранительным средством от запоя. Вероятно, в связи с этими таинственными свойствами камней сложилось их посвящение разным языческим богам и богиням. Так, аметист был посвящён Венере (*gemma Veneris*), сапфир — Юпитеру; великолепные античные камеи, которыми мы любуемся в музеях, для классического человека имели глубокий внутренний смысл: классические резчики изображали Бахуса на аметисте, Нептуна и Тритона на аквамарине, Прозерпину вообще на чёрных камнях. Христианская эра, сменившая язычество, унаследовала от него некоторые суеверия, приурочив их по-своему: аметист оказался посвящённым евангелисту Матфею, кровавой сердолик — мученику Варфоломею, яспис — апостолу Петру и т. д.

Древний человек олицетворял камни, даже поклонялся им и вообще видел в них та-

инственно скрытые живые силы. Отсюда господствовавшее в древности деление камней на мужские и женские: первые сильнее окрашены, вообще цветистее, а вторые бледной воды. Поэзия, конечно, пользовалась камнями для разных поэтических легенд и просто для сравнения. Так, красный рубин и красное вино считались родственными, а метафорически рубин изображал красные уста красавицы. Самую драгоценной считалась та бирюза, которая, напоминая цветом глаза красавицы, имела форму женской груди. Камни могли болеть, как живые люди. Заболевший жемчуг (он считался камнем) мог вылечиться только при том условии, если непорочная девушка искупается с ним в море 101 раз. Особенно считались драгоценными камни с разными таинственными пророслями внутри, как горный хрусталь или аметист, проросший тонкими кристаллами рутила или чёрного шерла, — такие проросли римляне называли волосами Венеры, а на мусульманском Востоке волосами от бороды какого-нибудь святого. Все народы заплатили известную дань этим суевериям, как результату соб-

ственного невежества, и, кажется, одна Япония избегла общей участи и, обладая всевозможными камнями, не обращает на них никакого внимания. Древний русский человек тоже любил самоцветы, хотя выбор их у него был крайне ограничен, да и те немногие камни, какие ходили по рукам, получались из чужих краёв. Поэтому народная номенклатура крайне бедна названиями камней, а былины, кажется, знают всего один алатырь бел-горюч камень, т. е. янтарь, по толкованию учёных исследователей. Даже в период московских царей мы не пошли дальше лалов и яхонтов: яхонтец червчат, яхонтец синь или «впрозелень». Лалами и яхонтами называли самые разнообразные камни, причём главную разницу составлял цвет. Неприхотливые московские красавицы совершенно удовлетворялись и этим. Вообще, древняя и московская Русь не знала совсем хороших камней и совершенно не умела обращаться с ними, в чём можно убедиться на московской оружейной палате, где собраны лучшие сокровища тех эпох. Не говоря уже об огранке камней, сделавшейся известной в Западной Европе толь-

ко в конце XV в., не умели даже прикрепить камня металлическою оправой, а просверливали в нём дыру и насаживали на металлический стержень, как это видно на некоторых царских коронах. В то далёкое от нас время, кажется, больше значения имели такие таинственные камни, как безуй или балангус. Можно удивляться только тому, что отдельные области тогдашней Руси уже имели свои областные цвета. Так, у новгородцев любимыми цветами были зелёный и голубой, у устюжан — зелёный и красный, у ростовцев — синий, красный и жёлтый. Впрочем, это объясняется отчасти близкими сношениями торговых гостей с тогдашнею заграницей, где уже существовали национальные цвета, как в Византии.

Самое новое и новейшее время, обременённое всевозможными чудесами науки и нарастающими завоеваниями в области всевозможных знаний, всё-таки, платит известную дань старинной тьме неведения, только привязывая древние суеверия и «запуки» к изменчивым требованиям моды. Так, мы видим, что различным камням приурочивают-

ся различные метафорические свойства; алмаз — чистота и невинность, сапфир — постоянство, красный рубин — страсть, розовый рубин нежная любовь, изумруд — надежда, топаз — ревность, бирюза — каприз, аметист преданность, опал — непостоянство, сардоникс — супружеское счастье, агат здоровье, хризопраз — успех, гиацинт — покровительство (относится к купцам и артистам), аквамарин — неудача. Каждый месяц в году имеет свой счастливый камень: январь — гранат, февраль — аметист, март — яспис (яшма), апрель сапфир, май — изумруд, июнь — агат, июль — сердолик, август — сардоникс, сентябрь — хризолит, октябрь — аквамарин или опал, ноябрь — топаз, декабрь хризопраз. Это аллегорическое значение счастливых камней, кажется, придумано торговцами, для более успешного их сбыта. Кроме этой, так сказать, постоянной моды на известные камни, есть ещё мода переходящая, часто уже решительно ничем необъяснимая, кроме прихоти и каприза. Так, перед началом великой французской революции во Франции была мода на янтари с насекомыми, — эта мода перешла

впоследствии к нам. В начале XIX столетия Западная Европа ввела в моду дендриты, т. е. камни с рисунком растений и деревьев; в тридцатых годах господствовала мода на гиацинты, в сороковых годах — на ониксы, в 60-х годах в Париже на оливин, в 1870-х годах в Вене вошёл в моду кровавик (гематит), а в Англии в это время самым модным камнем был "кошачий глаз". В пятидесятых годах в России вошли в моду опалы, как любимый камень императрицы Александры Фёдоровны, но императрица Евгения никогда не носила опалов, как камней, предвещающих несчастье, — репутация несчастного камня за опалом установилась давно, вероятно, за его изменчивый цвет и быструю сравнительно разрушаемость. Все эти нынешние моды являются как бы наследием и отголоском далёкого прошлого. Так, ониксы были модным камнем греков и римлян, как самый лучший материал для их камей, гиацинты были в моде в XV и XVI столетиях, хризопраз в XVIII столетии и т. д. В общем можно сказать только то, что время камней как бы миновало, и наши бабушки лучше понимали немой язык самоцветов.

тов, чем внушки. В будущем, когда заиграет дешёвый поддельный камень, вероятно, люди окончательно освободятся от этой страсти украшать себя самоцветами, как не украшают себя сейчас простым стеклом, что ещё в моде у дикарей, не познакомившихся с стеклянными фабриками.

Мы думаем, что самородный самоцвет останется ценностью всегда, только как предмет для минералогических коллекций да для тех неисправимых любителей, которые не променяют его ни на какое ухищрение новейшей техники. Для таких любителей драгоценный камень не мёртвый минерал, а что-то живое, одарённое живыми свойствами. В самом деле, около самоцвета не даром же вырос этот лес суеверия, поэзии и религиозных уподоблений. В камне есть своя жизнь, тёмная и неисследованная, проявляющаяся в форме кристаллизации, в сопутствии известным горным породам, в антипатии к другим, в отношениях к свету, электричеству и химическим реагентам. Именно эта кристаллическая форма встала на границе, отделяющей органическую природу от мёртвой материи, и че-

ловеческий глаз пытливо ищет здесь ответа своим внутренним свойствам, запросам и тёмным органическим движениям. Мёртвая земля смотрит на человека этими цветными глазами, говорящими о тайниках скрытой в ней жизни. Это "последняя улыбка" цепенеющей в мёртвом холоде неорганизованной природы. В самом деле, одни камни выигрывают при ярком искусственном освещении, как бриллианты, изумруды, рубины и опалы, другие, напротив, теряют свой блеск, как сапфиры или шерлы; некоторые камни меняют совсем цвет при искусственном освещении, как александриты, третьи прекрасно электризуются, как корунды, турмалины (шерлы тож), аметисты, хризолиты, топазы, четвёртые обладают фосфоризацией, т. е. способностью светиться в темноте, как алмаз или нагретый плавиковый шпат, пятые легко изнашиваются, как опал, шпинель, хризолит и почти все, за немногими исключениями, теряют свой цвет под медленным влиянием солнечных лучей, ту "первую воду", о которой мы говорили выше. Наука замучилась, придумывая названия для разных цветов, какими

играет драгоценный камень: есть цвет селадоновый (берилл), кармазинно-красный (рубин), шпейсово-жёлтый, лавендулово-синий, шмальтово-синий, горно-зелёный (берилл), спаржевый, чижовый, восковой, медовый, гороховый, коломбиново-красный (альмандин), печёнково-бурый и т. д. Кстати, отметим здесь характерную особенность русских минералогов скрещивать вновь открытые минералы именами разных милостивцев и вообще знатных персон, так что по этим названиям можно проследить, с одной стороны, колоритные судьбы нашего горного ведомства, а с другой — отлившееся в этой форме горное идолопоклонство. Есть волхонскоит, демидовит, разумовскит, румянцевит, строгановит, уваровит, — словом, целая и характерная коллекция придуманных рабскими умами названий, чтобы угодить сильному человеку, подольститься к вельможе и просто вильнуть хвостом за хороший обед, случайную подачку или доставленный лакомому учёному какой-нибудь приятный «случай». Это лакейство не к лицу серьёзной науке, а, ведь, минералогия — наука. Возьмите другие науки, где

вы найдёте эту идолопоклонствующую номенклатуру и, наконец, название вновь открытых минералов, общее достояние всей науки, которой решительно нет дела до наших минералогических ласкательств? Простой мужик, когда найдёт новый камень, окрестит его характерно, метко, сильно: смольяк (раух-топаз), моховик (горный хрусталь, проросший кристаллами рутила или чёрного шерла), сивяк, а не будет подлаживаться под своего деревенского кулака или вообще благодетеля, потому что не такое это дело.

VII

Центр уральских самоцветов. — Плутующий мужик. — Хождение сырого самоцвета по мукам. — Торговец и мужик. — Мастер-гранильщик и тот же мужик. — Анекдот с артельным камнем.

Почти весь добытый на Урале самоцвет поступает в Екатеринбург, этот город золота и драгоценных камней. Те камни, которые перехватит Самошиха и другие мурзинские скупщики, сравнительно составляют только ничтожную часть. Екатеринбург остаётся в этом отношении центром, куда стягиваются самоцветы со всего Урала, — здесь и гранильщики, и каменные торговцы, и собиратели коллекций, и просто любители. В сущности говоря, на местах добычи вы редко что найдёте, и если найдёте, то купите втридорога, а весь товар уходит в Екатеринбург и здесь расценивается по установившейся норме. Именно здесь можно, как в фокусе, проследить дальнейшую судьбу каждого самоцвета и те мытарства, через какие он должен предварительно пройти, прежде чем попадёт в руки покупателя. Екатеринбург скупает всё сырьё и превращает это сырьё в изделия, вообще со-

здает из самоцветов предмет рыночной ценности. Это длинный и — если так можно выразиться — болезненный процесс, гораздо более трудный, чем самое добывание самоцветов, в каких бы примитивных формах оно ни производилось.

Нужно предварительно оговориться, что фигурирующие на екатеринбургском рынке самоцветы строго распадаются на три категории: в собственном смысле драгоценный камень, камень поделочный и камень, как предмет для минералогических коллекций. О драгоценных камнях, как топазы, бериллы, изумруды, фенакиты, рубины, сапфиры и аметисты, мы уже говорили в предыдущей главе. За ними непосредственно идёт полудрагоценный, поделочный камень, как раух-топаз и горный хрусталь вообще, ляпис-лазурь, малахит, орлец, целый ряд халцедонов и некоторые виды яшм, а ещё ниже стоит разряд дешёвых яшм, некоторые песчаники и сланцы. Из этих последних готовят вазы, памятники, колонны, подоконники, ступеньки для лестниц, разные постаменты, накладки и просто плиты. Поделочный дешёвый камень

занимает, пожалуй, больше рабочих рук, чем самоцвет, и каменные изделия из него расходуются по всей России, составляя славу Екатеринбурга. Остаётся третий разряд камней, который захватывает оба первых: это — камень специально для минералогических коллекций. Ценность здесь определяется чистотой кристаллизации, новыми комбинациями, редкостью и оригинальной формой. Для минералогической коллекции идёт всякий камень, и часто отдельные штуфы, негодные для огранки или вообще поделки, оцениваются сотнями и тысячами рублей. Истинный любитель-коллектор не пожалеет ничего, чтобы не упустить какого-нибудь unicum'a.[6] Соперниками коллекторов-минералогов являются учебные коллекции, составляемые для разных учебных заведений. Таким образом, никакой камень не пропадает: если самоцвет не годится для огранки, он поступает в коллекцию, как штуф, и туда же идут обрезки и обломки от поделочных камней, как орлец, ляпис-лазурь и яшмы. В этом хозяйственном круговороте ничто не пропадает; даже те осколки, которые негодны для минералогиче-

ских коллекций, идут на горки и на рельефные картины из камня. Как видите, каменная промышленность установилась прочно и выработала целый разряд своих специалистов, как гранильщики, мелкие торгаша, скупающие камни из первых рук, коллекторы по профессии и крупные торговцы каменными изделиями. Обделка камней вышла уже за пределы Екатеринбурга и ведётся в пригородных селениях, как Верх-Исетский завод или завод Берёзовский.

Обратимся теперь к тому, как сырой камень является в Екатеринбург, — он должен придти сюда сам, потому что хлеб за брюхом не ходит. Редко кто из торговцев камнями поедет даже в такой центр самоцветов, как Мурзинка, да это и бесполезно, потому что на месте добычи вы редко найдёте хороший камень, — он разными таинственными путями уходит в Екатеринбург.

Самоцвет привозит в Екатеринбург, конечно, мужик, и самый плутоватый мужик, которому достаточно побывать в городе раза два-три, чтобы превратиться из посредственного деревенского обывателя в ловкого торгаша.

Это зависит от той школы, которую он проходит с первых же шагов: его не обманывает только ленивый. Остаётся, следовательно, самому обманывать: не обманешь — не продашь. Изумруды он смазывает маслом, чтобы сильнее блестели, а то и просто помочит водой. Некоторые камни легко подкрашиваются «куксином». Подкупающим обстоятельством здесь является сам мужик, простой деревенский мужик, которого каждый может обмануть. Особенно в этом отношении «наварлыжились» мурзинцы, которые обманывают даже специалистов-торговцев. Что каждый здесь не застрахован от ошибки, доказательством служит то, что сам Гумбольдт, величайший Гумбольдт, в Екатеринбурге купил за несколько сот рублей печати из бутылочного стекла за настоящие топазовые... Большому чёрту большая и яма, а маленьких знатоков — обманывают на гроши. Главными профессорами плутующего мужика являются сами каменные торговцы. Например, мужик приносит целую партию камней торговцу и говорит:

— Купите аматистов... Дёшево отдам: со-

тельную всего-навсё.

Торговец опытным взглядом оценивает принесённый товар и лаконически отвечает:

— Половинку бери...

Мужик начинает фордыбачить; я-де Кочневу восетта продал хуже партию за три половинки, что вы, Павел Миколаич?.. Ах, хороши аматисты!.. — Поломавшись, мужик идёт с камнями к двери.

— Если придёшь в другой раз, тогда и половинки не дам, — говорит торговец на прощанье. — Без красного билета половинка будет.

— Н-но-о?

Мужик не верит и начинает путешествовать к другим торговцам. Действительно, везде ему дают меньше, и он опять возвращается к первому.

— Давай нето половинку-то, как сулился.

— Без красной бумаги бери: уговор дороже денег. Ежели ещё уйдёшь, так тогда за три красных бумаги отдашь.

— Обидную цену даёшь, Павел Миколаич... Уж лучше тово...

— Твоё дело: тебе лучше знать.

Опять начинается хождение к Кочневу, от Кочнева к Лагутяеву, от Лагутяева к Короткову, от Короткова к Калугину, от Калугина по мастерам и в заключение опять к Лагутяеву. Конечно, это только схема, которая выполняется с теми или другими вариациями, и на место Лагутяева или Кочнева можете поставить всякого другого торговца, — дело не в личности, а в установившихся порядках. Много значит время, когда принесут продавать камни, самый ходовой сезон это — летом, когда открывается навигация, но лиха беда в том, что мужик добывает камни зимой и ждать до лета не может. Как рассказывают, один аметист, проданный торговцем за несколько сот рублей, был куплен всего за 8 рублей. Понятно, что приходится мужику поневоле заламывать дикую цену, и если он не обманет ею торговца, то может обмануть какого-нибудь заезжего человека или любителя, который доверится мужичьему виду продавца. Обыкновенно «мужиком» приходит какой-нибудь мещанин-перекупщик и подманивает покупателя традиционными тряпицами, в которые завёрнуты камни, голенищем,

куда он прячет их, и вообще напущенною на себя мужичьею дуростью. Купить вещь из первых рук, да ещё за бесценок, — на это всегда найдутся охотники, хотя потом и не знают, куда деваться с совсем ненужною вещью.

Не меньше мурзинских «испотачились» самовольные изумрудщики. Копи изумрудов принадлежат казне и не разрабатываются, но по старым отвалам «ищутся» разные хищники и время от времени добывают кое-что. Проезжая по Тюменской железной дороге, на станции Баженовой вы встретите несколько таких мужиков, открыто продающих свой товар. Нынешние изумруды — сплошная дрянь, поэтому, вероятно не вмешивается в дело и местная администрация, да и трудно в таком глухом медвежьем углу, как изумрудные копи, защищать неприкосновенность казённого добра.

Для лиц, незнакомых с типом этого продавца-мужика, опишу один такой экземпляр. Время от времени ко мне заявляется именно такой мужик из деревни Полдневой, это за Полевским заводом. Там открыта копь хризолитов или «креозолитов», как называют их

мужики. Эта копь, вероятно, не лучше тех «язвин», какие я осматривал в Мурзинке, но дело не в названии. Хризолит, сравнительно, камень на Урале новый и одно время шёл очень бойко, благодаря спросу за границу. Так вот и приходит мужик с «креозолитами». Это взлохмаченный, приземистый и коренастый старик с блуждающими маленькими чёрными глазками. Одет он совсем по-мужицки и давно усвоил всю минералогическую фразеологию; скварец, колчеган, креозолит, руководствовать и т. д. Приезжая в город, он первым делом отправляется в кабак и поэтому является или с похмелья или навеселе. К особенностям его принадлежит то, что он каждый раз забывает мой адрес и разыскивает квартиру, как Америку.

— Едва нашёл... — облегченно говорит он, вваливаясь в комнату. — Вот камешков захватил для вас.

— Наверное, дрянь какая-нибудь?

— Зачем дрянь... Форменный камень. Всякого росту есть, какой поглянется... А ты вот что, барин: ты со мной теперь не сговоришь, потому как я в таком виде... С похмелья я

страсть дорожусь. А ты поднеси рюмочку, уважь: я и отмякну.

— Зачем же ты в таком виде камни продаёшь? Обтерешься ещё.

— А-ах, голубь ты мой сизокрылый!.. И старуха меня пилит-пилит, как я домой-то ворочусь, а такой у меня характер: как приехал в город, так и расширился. Шире меня нет... Уж я руководствую третий день теперь. Иду это в Ямку, — знаешь, у каменного мосту этакой тёплый уголок для нас пригорожен, — а там уж меня ждет эта самая рота. Уру кричат, на руках качают, точно я губернатор... Ну, я их всех пою вином... В прошлом году эк-ту со-тельную в Ямке проруководствовал, потому как сплоха барин мне проезжающий попал!.. Я его таки удовлетворил вполне! Он мне со-тельный билет, а я ему гранёного стекла... Мастера же ваши научили, потому на мужике барин не посумлевается... Бить меня надо, — вот что я тебе прямо скажу... Так рюмочку подашь?

— Нет, ступай проспись.

— Альмандинчик есть хорош... аматисты...

— Да, ведь, у вас в Полдневой одни хризо-

литы?

— А-ах, голубь, да, ведь, я этак замутился маненько, будто стою перед проезжающим баринном и омманываю... Стёкла-то со мной: во...

Старик добывает из-за голенища свои тряпицы, потом из шапки, потом из-за пазухи, и сам хохочет, как прост бывает проезжающий барин.

— Вот это настоящие креозолиты, ей-богу.

— Зачем по разным местам камень прячешь?

— А невозможно... Ежели из одного места выну всё, да всё продам, ну, всё и пропью, а из разных местов, может, хоть одно удержится.

Впрочем, этот старик — исключение. Его родной сын уже в другом роде, на "мурзинскую руку", — вообще крепкий мужик, уже выбившийся из-под непреодолимой власти общей меры, какою является полштоф.

Сырой камень, в конце-концов, всё-таки, приходится сбывать или мастеру, или в магазин. Чтобы выкрутиться из этой беды, мужик пускается на хитрости. Он отбирает несколько самых хороших камней и с ними отправ-

ляется к какому-нибудь надёжному и верному человеку из гранильных мастеров. Мастер огранивает камни, а мужик платит ему за работу камнями же. Чтобы мастер не сплутовал и не подменил камня, мужик всё время огранки сидит у верстака, на котором работает гранильщик, а на ночь берёт камень и, спрятав за пазуху или за голенище, ложится спать тут же. Конечно, это одна "тщетная предосторожность", и, если верный человек захочет обмануть, так обманет. Обыкновенно гранильщик выигрывает на обрезках и безжалостно портит иногда очень хороший камень. Цель такой сложной операции для мужика прямая: огранённый камень легче продать, и он ходит с ним уже не по одним магазинам. Мастера "каменнорезной масти" великие артисты своего дела и охулки на руку не положат, а взять с них, в случае недоразумения, нечего.

— О мужике и разговору нет, — рассказывал мне один такой мастер, — где же ему понять, как я обкарнаю камень!

В казённое время, когда ещё на гранильной фабрике мы работали, так доставили

один редкостный камень из Златоуста. К нашим он не подходящ: иссиня-зелёный... ни он сапфир, ни он топаз, ни кианит... По-настоящему ежели будем говорить, так прямо сказать: эвклаз. Один такой камень и был... Вот начальник приносит нам его и говорит: "Выгранить три камня... Размерял сам всё: и так, и этак, и ещё так. Голову, — говорит, — оторву, ежели плутовство какое ваше покажете". При Глинке было, так оно не то что голову, а всего бы в порошок истёрли... Ну, сделали три камня, а четвёртый украли. Уж тут на глазах у самого начальника, который сам нас учил гранить камни-то, где же мужику углядеть?

В общем можно сказать только одно, что появление самоцвета на рынке обставлено тысячью роковых случайностей, потому что и добывание самого камня простая случайность, а не правильно организованный промысел. На мурзинских копиях сложились крестьянские артели, как своего рода старатели в золотопромышленном деле, но эта организация слишком слаба и распадается при первом соблазне. Члены артели не доверяют друг другу, утаивают хорошие камни и вообще ведут

дело себе на уме. Интересный случай рассказывал один горный чиновник именно про такой "артельный камень". Поступив на Урал на службу, он не замедлил отправиться в Мурзинку, чтобы на месте купить дешёвых самоцветов. В Мурзинке ничего не оказалось, и он проехал в Алабашку, вместе с своим денщиком. В Алабашке на квартире за самоваром чиновник завёл с хозяйкой разговор насчёт камней.

— Какие у нас камни, барин, — отвечала уклончиво молодая, красивая женщина. — Вот хозяина дома нет, у ево спроси... Он с артелью ищется по копям.

— А у вас нет камней?

— Своих-то нет. А тебе разве надо?

Разговорившись, хозяйка рассказала, что, действительно, у них, в подполье, лежит один «камешок», только он артельный. Потом она спустилась в подполье и принесла прекрасный зелёный берилл.

— Продай, красавица.

— А муж?

— А ты не говори.

— Он и то забыл про камешок-то.

— Ну, вот то-то и есть.

Начался торг, закончившийся пятью рублями. На беду, денщик, не бывший свидетелем этой сцены, видел только конец её, когда барин отдавал бабе деньги. Побродив по Алабашке и купив несколько камней, чиновник вечером вернулся к себе на квартиру и улёгся спать. Хозяйка тоже дремала где-то на полатях. В самый трогательный момент, когда первый, самый крепкий сон охватывает человека, под окном раздались два пьяных голоса.

— Нет, ты то рассуди, голова, — с пьяной настойчивостью повторял голос чиновничьего денщика, — за что барин будет давать бабе пять цалковых, а?.. Своим глазам видел.

— И она, тварь, взяла?

— Говорю, на глазах... За что, например, простой деревенской бабе и вдруг за здорово живёшь, например, пять цалковых? Тебя-то дома нет, бабёнка одна толчётся у барина перед глазами, вот и дотолклась... Ты её спроси.

— Ах, она... да я....

Это был сам домовладыка, ходивший с денщиком в кабак. Вернувшись в избу, он принялся за жену.

— Ты брала у чиновника пять цалковых, змея? За какие-такие твои сласти он такими деньгами расшвырлся, а?...

Бабёнка, конечно, отпиралась и голосила, а когда явился благородный свидетель в лице пьяного денщика, то повинилась, что, действительно, взяла от барина пять рублей «так». Муж окончательно почувствовал себя "в своём праве" и принялся колотить жену на смерть. Положение чиновника оказалось самое скверное. Ничего не оставалось, как выйти из своей комнаты и вступить за избиваемую бабу.

Произошла новая горячая сцена. Остервенившийся "в своём праве" муж бросился на чиновника, тот схватился за револьвер, пьяный денщик бежал.

— И за что ты ей пять цалковых давал? — приставал мужик, несколько усмирённый видом револьвера.

— Да так дал. Деньги мои, и я могу ими распоряжаться. Вижу, живут люди небогатые, я и подарил... Отчего ты меня не спросил сначала, я тебе сказал бы то же самое.

— Омманываешь...

Дело кончилось тем, что мужик отнял деньги у жены и убежал с ними в кабак, откуда уже был привезён мертвецки пьяным. Ба-бёнка, всё-таки, несмотря на побои, укрепи-лась и не выдала секрета, а чиновник пода-рил ей другие пять рублей уже без благород-ного свидетеля. Всё-таки "артельный камень" обошёлся легкомысленной бабёнке дорого.

VIII

Начало гранильного дела на Урале: — Основание гранильной фабрики в Екатеринбурге и её значение. — "Екатеринбургская грань". — Современное положение гранильного промысла по современным статистическим данным. — Разные группы мастеров, на которые распадается "каменнорезная масть": в собственном смысле гранильщик драгоценных камней, резчик печатей, рельефная работа по камню и т. д.

Гранильный промысел в России ведёт свое начало от великого царя Петра I, который основал первую гранильную фабрику в Петергофе; она называлась "алмазною мельницей". На Урале первым основателем гранильного промысла является знаменитый историк Татищев.

Кое-какие самоцветы были известны на Урале, а, главным образом, горные хрустали, для которых уже существовало своё название — «тумпасы», вероятно, испорченное слово топаз. Так, крестьянин Тумашев из слободы Мурзинки ещё в 1667 г. нашёл 3 топаза, 3 камня "с лаловыми искрами" и 2 изумруда. Малахит из знаменитого Гумешевского рудника тоже был известен, как некоторые яшмы и мраморы.

В 1748 году русский механик Бахирев основал "шлифовальные мельницы". В 1765 году организовалась специальная "горная экспедиция мраморной ломки и прииска цветных камней".

Таким образом, было положено основание в Екатеринбурге гранильной фабрики, которая сначала находилась в ведении министерства финансов, а в 1811 г. перешла в ведомство кабинета его величества, в котором остаётся и до сих пор. Эта гранильная фабрика послужила рассадником для образования лучших мастеров по всем отраслям каменного промысла: огранка и шлифовка цветных камней, резьба печатей, поделки из горного хрусталя, яшм, малахита, орлеца и мраморов. Можно только пожалеть, что вместе с «волей» эта фабрика очутилась в неопределённом положении: работы сокращены наполовину и вообще дело сводилось постепенно на нет. Благодаря этому каменный промысел в Екатеринбурге не делает ни шагу вперёд, а только повторяет старые образцы, рисунки и модели. Старые мастера, выучившиеся на гранильной фабрике, быстро вымирают, и судь-

ба резчиков печатей особенно поучительна в этом отношении: остающиеся старые мастера наперечёт. Между тем, екатеринбургская гранильная фабрика за свои изделия на всех русских и заграничных выставках получала самые почётные награды, и "екатеринбургская грань" известна даже у парижских ювелиров: лучшие мастера за границей удивляются искусству екатеринбургских гранильщиков в расположении фасеток (фасетка — грань) и вообще чистоте работы.

Прибавьте к этому необыкновенную дешевизну этой работы, и вы увидите, что екатеринбургская гранильная фабрика просуществовала больше 100 лет не даром, а между тем, на неё из казны отпускалось ежегодно всего по 20 000 руб. Остаётся пожелать, чтобы эта фабрика возродилась из пепла и праха забвения с новыми силами и не только восстановилась бы в прежних размерах, но ещё расширила бы свою деятельность, особенно в смысле профессионального обучения, потому что главный недостаток екатеринбургских каменных изделий, это — плохой рисунок и вообще аляповатость.

Бывшая в 1887 г. в Екатеринбурге научно-промышленная выставка развернула полную картину настоящего положения каменной промышленности со всеми её достоинствами и недостатками, и тогда же возникла мысль о необходимости основания именно в Екатеринбурге рисовальной школы, применительно к потребности в техническом рисунке, но эта благая мысль как-то совсем заглохла, как и состоявшееся решение основать в Екатеринбурге промышленный музей, в котором мастера могли бы учиться уже по готовым изделиям. Но, во всяком случае, как бы пассивно земство и город не относились к этим двум настоятельно необходимым учреждениям, их открытие — только вопрос времени: они будут...

Обращаясь к настоящему положению каменного промысла, мы видим, что Екатеринбург, захватив всецело в свои руки торговлю уральскими камнями и всеми изделиями из них, по части производительности начинает быстро уступать место пригородам, куда лучами разошлась так называемая "каменно-резная масть". Приведём в подтверждение

несколько цифр из статистического сборника екатеринбургского земства о промыслах в Екатеринбургском уезде, вышедшего в нынешнем году (1887. — В. С.) под редакцией земского статистика П. Н. Зверева. Вот цифры: в самом Екатеринбурге гранильным промыслом занимается 88 мужчин, 87 женщин, 38 мальчиков и 35 девочек; в Верх-Исетском заводе (от Екатеринбурга в 1 версте) 14 мужчин, 12 женщин, 8 мальчиков и 8 девочек; в Берёзовском заводе (12 вёрст от Екатеринбурга) 219 мужчин, 287 женщин, 161 мальчиков и 187 девочек; наконец, в Мраморском заводе (40 вёрст от Екатеринбурга) 113 мужчин, 133 женщины, 105 мальчиков и 85 девочек. В общей сложности различной обделкой камня заняты 434 мужчины, 519 женщин, 312 мальчиков и 315 девочек. Из этих цифр, прежде всего, выступает перевес женской рабочей силы над мужскою: женщин работает больше, чем мужчин, на 85 человек, а девочек сравнительно с мальчиками — на 3 человека. Затем, взрослых занято обработкой камня 984 человек и детей 627 человек. Такое крупное преобладание женского и детского труда уже слу-

жит лучшим доказательством тех ненормальных условий, какими обставлен самый промысел, носящий характер кустарно-семейного производства. Эти цифры доказывают то, что одного труда мужчины недостаточно, чтобы прокормить семью, а необходимо захватить и весь женский и даже детский труд. Конечно, сюда входит много одиночек, но, всё-таки, промысел не фабричный. Другою характерною меркой плохого экономического положения этой рабочей массы служит крайне слабое развитие грамотности: в городе грамотных среди гранильщиков всего 37 % (46 % мужчин и 27 % женщин), а в пригородных местностях этот процент, конечно, ещё ниже. В Берёзовском заводе из 380 гранильщиков (219 мужчин и 161 мальчиков) грамотных всего 47 человек, а из 474 женщин гранильщиц (287 женщин и 187 девочек) только 16 грамотных. Это уж круглое невежество, объясняющееся только тем, что с раннего детства здесь человек уже утилизируется в качестве рабочей силы, а для обучения даже простой грамоте времени совсем не остаётся. Ребёнок 7–8 лет уже может служить «вертелом», т. е.

вертит какое-нибудь колесо с приводом к гранильному станку, шлифует подставки и вообще приспособлен к работе на целый день.

Что касается того, что из всей массы 1 611 гранильщиков в Екатеринбурге проживает только всего 248 человека, а остальные 1 363 рассеяны по пригородам, то причина этого заключается не в том, что Екатеринбург перестал быть центром производительности каменных изделий, а в некоторых исключительных условиях именно этих пригородных местечек. В городе вы видите, во-первых, перевес, хотя и ничтожный, мужской рабочей силы, именно на 126 рабочих мужчин и мальчиков всего 122 женщин и девочек, а, во-вторых, сравнительно высокий процент грамотности. Это доказывает только то, что в городе остались только лучшие мастера, труд которых и оплачивается лучше, а затем есть другие занятия, которые выгоднее, например, для той же "гранильной бабы". Так, 854 берёзовских гранильщика зарабатывают в год всего около 8 560 руб., что составит на душу 10 руб., а 248 городских гранильщиков зарабатывают в год 21 336 руб., что составит на душу

уже целых 86 рублей. В пригороды сдаётся дешёвая работа и делается она из-за руки, в свободное время от какого-нибудь другого «руко-месла». Во всяком случае, для берёзовского обывателя гранильный промысел не составляет серьёзной статьи заработка и часто он бьётся из-за хлеба на воду, но дело в том, что на месте других работ меньше, чем в городе, а упомянутым 854 душам принадлежит всего 111 десятин покоса, 43 лошади, 55 коров и 6 голов мелкого скота. Значит, здесь работает открытая всем четырём ветрам голая бедно-та, как и в Мраморском заводе, где на 436 ра-бочих мраморщиков приходится 157 десятин сенокоса, 12 1/2 десятин пашни, 50 лошадей, 85 коров и 301 голова мелкого скота. Нужно заметить, что Берёзовский и Мраморский за-воды только заводы по названию, а между тем, население лишено земельного надела. Берёзовский завод, по крайней мере, стоит в центре золотых промыслов и потому можно в городе прихватить какую-нибудь работу, а Мраморский завод и от города далеко, и дру-гих статей заработка не имеет. Как видите, получается самая благодарная почва для экс-

платации меньшого брата, каковая и совершается в самых безжалостных формах, так что мраморская бедность вошла в поговорку; около этой бедноты наживаются пять-шесть местных и городских скупщиков.

Гранильный промысел распадается на целый ряд отдельных специальностей, требующих неодинаковой подготовки, силы, ловкости и вообще искусства. На первом плане здесь можно поставить огранку драгоценных камней, как верх гранильного искусства; гораздо ниже этого стоит огранка так называемых «искр» и вообще мелких вставок, бус, запонок и пуговиц. Далее следует огранка и полировка печатей и вообще рельефные работы по твёрдому камню, изделия из яшмы и за ними, как более лёгкое, производство вещей из малахита, серпентина, селенита и других мягких пород. Отдельное место занимает вырезывание печатей, как дело, требующее специальной подготовки и большого искусства. В хвосте всех этих специальностей стоит чёрная работа по обделке мрамора. Как на побочные промыслы, можно указать на производство рельефных картин и горок из камней и

собрание пресс-папье из готовых уже каменных плодов и листьев. Здесь есть своя аристократия, где требуются, кроме знания и подготовки, ещё вкус, изящество и своего рода творчество, и есть черноделы, которые участвуют только мускульною силой, вертя колесо, распиливая и обтёсывая поделочный камень. Знание и техника передаются из поколения в поколение. В общем запас технических знаний всё-таки очень невелик, а если что вырабатывается иногда до изумительной тонкости, так это глаз и рука, как при огранке драгоценных камней. Работа по преимуществу ручная, остановившаяся в том положении, как, вероятно, работали ещё первые искусники. Всё делается на глаз, как бог на душу положит, — мы говорим о гранильщиках-кустарях, а не о гранильной фабрике, где и сейчас выделяются вещи высокого художественного достоинства.

О работах собственно екатеринбургской гранильной фабрики говорить здесь не приходится: они известны публике по выставкам, а желающие сейчас могут любоваться её изделиями в Петербургском Эрмитаже. Гро-

мадные вазы из орлеца (родонит тож) или из разных яшм своего рода chef-d'oeuvre'ы.[7] Единственный недостаток их — высокая цена, но дешевле они и быть не могут, потому что работы за ними масса и работа адски медленная. В собственном смысле самоцветы теперь на фабрике не гранятся, насколько это мне известно.

Гранильщик-кустарь работает у себя на дому, благо особенно громоздких или сложных машин не требуется. Редко можно встретить отдельную комнату-мастерскую, обыкновенно же мастер работает в общей жилой комнате, где ютится иногда целая семья. Гранильный станок непременно придвинут к окну. Это небольшой деревянный стол, на котором кое-как прилажен гранильный прибор, т. е. вращающийся в горизонтальной плоскости круг из олова или свинца, смотря по надобности. Приводится он в движение помещённым под столом маховым колесом, ручка от которого выходит тоже поверх станка, — гранильный круг обыкновенно помещается в левой половине станка, а ручка, приводящая в движение маховое колесо, — в правой. Мастер

правую рукой вертит колесо, а левою гранит камень. Прежде чем сырой камень попадёт на гранильный круг, он предварительно «околтовывается», т. е. обыкновенным молотком от него отбивают всё лишнее и придают ему приблизительно форму шарика. Конечно, «околтать» легко дешёвый камень, который не жаль и испортить, а камень дорогой обрезывается на особом станке, потому что обрезки тоже идут в дело: из них гранятся искры. «Околтанный» тем или другим способом камень вставляется при помощи мастики в конец деревянной шпильки. Мастика готовится или из обыкновенного сургуча, или из канифоли и серпентина. Когда круг приводится в движение, гранильщик приставляет камень к нему под известным углом и получается грань. Нужно большое искусство, чтобы расположить эти грани на камне совершенно правильно. Некоторым пособием для мастера является здесь деревянный квадрант, в который вставляется деревянная шпилька с камнем, — прибор самый простой, назначение которого только удерживать шпильку под известным углом. Квадрант не предохраняет

от того, что вы не сделаете неправильную грань, и он достигает цели только в опытной и твёрдой руке. Круг при гранении камня поливается разведённым в воде наждаком. Полировка огранённого камня считается сравнительно лёгкою. Предварительно камень шлифуется на свинце без наждака, а затем на оловянном, смоченном водою круге с трепелом (аметист, горный хрусталь) или на сухом (тяжеловес, изумруд, александрит). Вообще, весь процесс очень не сложен, инструмента требуется немного, и только нужно уменье.

Хороший гранильщик самоцветов может зарабатывать до 50 руб. в месяц, хотя эта работа быстро притупляет глаза, а наждачная пыль садится на лёгкие и производит целый ряд специально-гранильных болезней.

Станок гранильщика печатей несколько другого устройства, но тоже крайне прост, а также и станки для разрезывания камня, для его просверливания. Эта дешевизна и несложность орудий производства составляет выгодную сторону ремесла, а затем много значит, что мастер работает у себя дома, следовательно, не теряет времени на ходьбу;

меньше носит верхнего платья и сапог и, наконец, может уделять свои промежуточные досуги на домашние дела. Чрезвычайно важно, что все мастера — собственники необходимых орудий производства, а также частью могут приобретать и дешёвые материалы. Когда нет заказов от частных лиц или магазинов, мастер может работать из своих материалов. Но все эти видимые преимущества не спасают "каменнорезную масть" от бедности, и она, за немногими исключениями, крепко сидит в лапах у десятка крупных каменных торговцев. Стоит только раз захудать, взять в долг, а там и пойдёт бесконечная канитель с «благодетелем».

— Я восемнадцать лет на Василья Петровича работаю, — с некоторой гордостью заявлял мне один такой захудавший гранильщик, орудовавший в какой-то клетушке. — Они меня достаточно знают и всегда удовлетворяют...

— Отчего же избушка у тебя такая проваленная и одежда тоже?

— А это уж моя причина... Нас три брата гранильщика было, — ну, двое-то схирели от

наждаку, а я вот один за всех и отвечаю. Кабы не Василий Петрович... прямо сказать, им одним только и дышу!

Этот субъект уже принадлежит к безвозвратно погибшим, но в городе таких сравнительно немного, а большинство обставляют себя очень недурно, особенно если у человека есть практическая сметка. Другое дело гранильщики из окрестностей — и работа хуже, и нищета круглая. Эти уже в полной зависимости от предпринимателей, и их труд составляет основание довольства каменных торговцев. Такому мастеру вся цена: "сколько дадут". Гранильщицы бус, искр, небольших вставок, запонок, пуговиц — вот главная добыча капиталиста, а затем черноделы-мраморщики, малахитчики (работа с малахитом — крайне вредная для здоровья), яшмовщики и т. д. Конечно, на первом плане здесь стоит эксплуатация женского и детского труда.

В общем, картина гранильного мастерства из невесёлых, особенно если взять ту ничтожную сумму заработка, какую мы приводили выше. Если бы между гранильщиком и поку-

пателем не стояло прожорливое брюхо скупщика, то дело было бы совсем в другом виде. Кажется, все данные налицо, чтобы "каменно-резная масть" процветала: обилие и дешевизна всевозможных самоцветов, дешевизна орудий производства, семейная организация самого труда, наконец, передача ремесла из поколения в поколение, но на деле получается совершенно обратная картина.

IX

Торговля самоцветами. — «Сам». — Допотопные операции этой торговли собственно в магазинах с каменными изделиями. — Солдат Лекандра на толкучке и оборотистый москвич. — Торгующий при номерах.

Во главе торговли самоцветами стоит сравнительно небольшая кучка торговцев, которая держит всё дело в ежовых рукавицах. Перечислять фамилии считаем неудобным, но они известны каждому, кому случалось быть в Екатеринбурге.

Это торговля родовая, которая переходит по наследству. Посторонний человек не может быть конкурентом, потому что нужно и толк в камнях знать, и иметь многолетние связи с поставщиками сырья и с мастерами. К выгодам этой отрасли торговли принадлежит то, что весь "товар тёмный", т. е. цены крайне изменчивы и зависят от массы случайностей. «Выработался» камень, другие торговцы распродали свои запасы, вышла какая-нибудь шальная мода, просто навернулся хороший покупатель, — всем этим нужно воспользоваться. В общем, когда на таком тёмном товаре эксплуатируется и поставщик сырья, и об-

рабатывающий его мастер, и покупатель, получается прибыль 300–400 % на затраченный капитал. Лиха-беда выждать время. Именно в этом выжидании покупателя, по нашему мнению, слабое место этой отрасли торговли. Всякая другая промышленность идёт навстречу потребителю, создает его, а каменные торговцы просто ждут, сидя на нагретом родителями месте. Единственный шаг, который делают эти торговцы, это — поездка на две ярмарки: в Нижний и в Ирбит. Но этого слишком мало, и даже в столицах вы не найдёте уральского магазина с уральскими самоцветами. Такая косность зависит просто от того, что и так хорошо живётся, да и порядки старые мудрено ломать. Дело идёт, слава богу, — чего же больше? Правда, со всех сторон слышатся жалобы на дороговизну каменных изделий и на аляповатость работы, но если кому нужно, так купят и дорогой товар. Замечательно, что наши торговцы не хотят понять собственной пользы самым упорным образом и постепенно губят производство в корне. Старики мастера вымирают, а молодые работают только дешёвый товар, потому что задавлены низки-

ми ценами. Эта вполне хищническая система быстро приведёт всё дело к упадку, если на защиту той же "каменнорезной масти" от торговцев не выступит казна или сам город. Дальше такие порядки и не могут идти, и мы в этом глубоко убеждены. Укажем на существующий уже в проекте склад кустарных изделий, устраиваемый екатеринбургским уездным земством. Основание его решено уже давно, но осуществление всё откладывается по разным причинам. На первый раз этот склад принёс гранильным мастерам только вред. Когда управа разослала по кустарям объявление, чтобы выяснить число желающих помещать свои изделия в склад, то откликнулись очень немногие, да и те сейчас же поплатились. Приходит такой мастер, подписавший заявление в управу, к каменному торговцу.

— А, это ты... — говорит торговец с скрытым злорадством. — Что, подписался на заявлении?

— Да уж так видно, Василий Петрович... — мнётся мастер, пойманный с поличным. — Сам не знаю, как подписал...

— Хорошо, голубчик... Я покажу вам, писателям!.. Не надо мне вашей работы, вот и весь сказ. Не заплачем...

— Василий Петрович, яви божескую милость. Дров нету, хлеба нету...

— А зачем подписывался?

Такие сцены заканчиваются обыкновенно тем, что торговец в науку сбавляет ещё цену, и мастер платится последними грошами.

Меня удивляет то, что в наших магазинах с каменными изделиями вы почти совсем не встретите минералогических коллекций или хотя порядочного выбора отдельных штуфов. Если, как исключение, встретите то или другое, то цены до того безобразные, что просто как-то совестно: на копейку хотят непременно нажать рубль. Между тем, спрос на такие коллекции возрастает с каждым годом, как и на отдельные штуфы. Даже живя постоянно в Екатеринбурге, чтобы составить коллекцию, вы должны пользоваться okazjiей и покупать камни то у мастеров, то на толкучке или у какого-нибудь «любопытного» человека, а в магазины нечего и нос совать.

— Несподручное это нам дело-с, — объяс-

нял мне один такой торговец.

— Напротив, самое сподручное: камни вам несут и стоит их только разобрать. На худой конец наживёте рубль на рубль... Чего же еще нужно?

Насколько, действительно, это дело выгодно, расскажу следующий случай. Так как в магазинах цены неприступные, то учащаяся молодёжь из мужской гимназии, реального училища и уральского училища покупает иногда камни на толкучке, куда они попадают в числе другого хлама. Недавно выискался предприимчивый человек, солдат Лекандра, который на толкучке и открыл торговлю камнями, т. е. просто поставил ящик, положил в него товару на двугривенный, и торговля пошла. Приезжающий в город с камнями мужик, если не сбудет всего торговцам или мастерам, остатки несёт солдату. Так дело и идёт на расколотый грош, а солдат сыт.

— Ну, что, как дела? — спрашиваю я иногда этого предпринимателя.

— Ничего, слава богу... Как-то синих курундов у кыштымского мужика купил на полтину, а продал за двенадцать цалковых. Потом

аматистик один весёленький подвернулся, — тоже нажил рублика три. Гимназисты покупают когда... Ничего, слава богу!

Понемногу солдат Лекандра осваивается и с торговой минералогией, так что умеет отличить апатит от фенакита, венису от циркона, хотя трудные названия пока ему и не даются. Но всё-таки у Лекандры система торговли та же, как и у богатых каменных магазинов: сорвать как можно больше. Он не дорожит покупателем и не рассчитывает на то, что купивший у него выгодно камень придёт к нему же во второй и в третий раз. Впрочем, было бы несправедливостью требовать от солдата Лекандры того, до чего никак не могут додуматься вполне состоятельные торговцы, прошедшие сквозь огонь и воду и медные трубы разных коммерческих операций. Из примера этого Лекандры видно только то, что потребность в камнях для коллекций существует и не находится ни одного предпринимателя, который взялся бы удовлетворить её, конечно, не в убыток себе. Стыдно сказать, что в Екатеринбурге, в этом центре торговли камнями, вы не найдёте, где бы можно было

купить недорогую, умело составленную коллекцию или какой-нибудь минералогический шуф на память об Урале. Когда через Екатеринбург проезжает "любопытный до камней" человек, то решительно не знаешь, куда его послать. Приезжавшие на уральскую выставку иностранные учёные покупали камни у солдата Лекандры.

С другим типом продавца камней я познакомился недавно. Проезжаю пригородную слободкой Мельковкой, где, главным образом, утвердилась каменнорезная масть, и вижу — в окне одной избёнки на полочках разложены пёстрые камушки, — обыкновенная вывеска мелкого продавца. Захожу. Избёнка маленькая, проваленная. Встречает меня черноволосый, плечистый мужик с любопытными серыми глазками.

— Заехал посмотреть камни... — объясняю я.

— Камни-с?.. Да теперь, почитай, все в расходе-с, — с московскою бойкостью жиденьким тенориком отвечает мужик. — Стало быть, продали... Бирюза одна осталась. Из Ташкенту солдатик шёл, так за двугривенный

я у него целую горсть купил. Дрянная бирюза-то, бухарская-с...

— А других камней нет?

— Сейчас никак нет-с, а ежели вам будет угодно, так я могу-с занести... У нас весьма даже преотличные камни бывают-с.

— Ты не здешний?

— Точно так-с... Мы, значит, расейские, от Троицы-Сергия. Может, бывали у Сергия? Москвичи, одним словом... Вот теперь занялись камнями, потому что есть надо. Живой человек калачика хочет...

— Да, ведь, в камнях толк нужно знать...

— Учимся помаленьку, что к чему. Покупатели же и учат, когда принесёшь ему камни: это тебе, например, амазонский камень, а это — циркон. Кое-что уж смекаю тоже, потому как цельный год, например, в Екатеринбурге болтаемся...

— А раньше чем ты занимался?

— Да разное... Расейский народ пообористее здешнего будет, и каждый по своей линии. В последнее-то время я бабьи серебряные лбы скупал около Можайска, — бабы прежде там носили такие повязки из позу-

менту... Ну, я на двадцать цалковых этих самых лбов приобрету, серебро выжгу, да на сорок цалковых серебра этого самого и продам. Ничего, выгодно-с... А потом наслышались мы про здешнее ваше золото, я и раскинул умом: ежели такая, например, польза может быть от такого пустого предмета, как бабьи лбы, так уж от золота-то втрое. Сбился деньжонками, да от Троицы-Сергия и махнул прямо в Екатеринбург. Ну, натурально, прикинулся, кубыть мелочью приехал торговать... Туда-сюда, вижу, однако, что ваше золото нам не подходящее: своих плутов у вас весьма достаточно. Что мне делать; прохарчился я, а на чужой стороне надо оборачиваться. Тут я стороной разузнал, что продаётся коллекция минералов у одних наследников, и продаётся этак из-под руки. Приценился я, да за семь цалковых и купил пудов с сорок камню, а потом и пошёл орудовать. Узнаю, кто, например, камни покупает, и сейчас к нему... От первой коллекции два четвертных билета нажил, слава богу, да и сам поучился около иё. Ничего, дело нам подходящее... В год-то я таким манером пять агромадных коллекций ра-

зорил!... Высмотрю, и разнесу по господам, которые этому делу подвержены.

— А солдат-то Лекандра?

— Что Лекандра!.. Конечно, он мне приятель, а я ему вполне конкуренцию пресекаю. Он купит камень и сидит с ним, а мой камень сам горошком подкатится к барину. Потом Лекандре всё надо на грош пятаков, а мы оборотом берем: пять раз продам — то же получу, а покупатель мне спасибо. Есть разные покупатели, а у каждого своя линия... Недавно как-то приезжала ко мне одна барыня, т. е. и не барыня, а в таком роде. Заходит в избушку и говорит: "Мне, сказывали, что у тебя есть такой камень..." — "Точно так, сударыня, есть". Я уж вижу, что ей требуется, потому как раньше меня один человек научил. Сейчас достаю два магнита — один посильней, другой послабже и начинаю их опилками железными обсыпать, а сам наговариваю: парами, мол, эти самые магниты и в земле находят, — мужчинка и женщина. Женцина-то и тянет к себе сильнее. А сам опилками трясу около магнитов, как хороший колдун. Ну, без разговору трёшницу заплатила... Ко-

нечно, бабы дуры, всякой басне верят, а всё-таки надо знать, к чему что подходит.

— Для чего же этой барыне магнит?

— Говорю, сущий вздор... Бабы этот магнит весьма уважают к тому, что он мужа ей притягивает, а эта барыня опять свою причину имеет: у ней этакое заведение, так чтобы чаще гости ходили, она магнит-женщину в передний угол положит, а магнит-мужчину под порог. Одним словом, круглая дура.

Между этими мелкими торгашами и крупными торговцами поместилась особая разновидность "торгующих в номерах для господ проезжающих". Главный покупатель уральских самоцветов именно этот "господин проезжающий", которому как-то неловко уехать из Екатеринбурга домой с пустыми руками. Идти или ехать в магазин с каменными изделиями иногда некогда, а тут товар идёт сам прямо в рот.

Эти средние торговцы степенно ждут свою добычу по коридорам, в передних и офицантских, а если г. проезжающий занят и лезть к нему в номер неудобно, то они осаждают его на лестнице или при выходе, и осаждают

крайне вежливо. Вы идёте и видите, что совершенно незнакомый вам господин чрезвычайно деликатно раскланивается с вами. "Кто это такой? Ах, да, торговец цветными камнями... А подойди-ка, братец, сюда, какие-такие у тебя камни? Впрочем, что же тут на лестнице: заходи, братец, в номер седьмой и скажи жене, что я тебя послал". Конечно, не всякому позволят кланяться на лестнице и в коридорах номеров, а в каждом таком заведении есть свой фаворит, который уже не пустит занять свое место никого другого.

Помню пресмешную сцену, когда на нашу уральскую выставку приезжал гастролировать покойный артист Андреев-Бурлак. Захожу к нему в номер и вижу обычную сцену вежливой осады: улыбающийся и кланяющийся номерный, торговец камнями обманывает заезжего человека разным хламом. Когда дело доходило до цены, Бурлак каждый раз вопросительно смотрел на меня. Выбрав несколько безделушек, Бурлак вышел в соседний номер, чтобы удивить ими гастролировавшую вместе с ним m-lle С-кую. Этим моментом и воспользовался оставшийся со

мною с глазу на глаз торговец.

— Если не ошибаюсь, вы здешние-с, — заговорил он с заискивающей улыбкой, встречал на улице-с... Можно вас попросить-с, извините, не знаю как по имени и по отчеству... Как Василий Николаич воротятся и будут спрашивать про цену, вы и удивитесь.

— То-есть, как удивитесь?

— Я скажу, например, цену, а Василий Николаич на вас глянут, а вы в это время и удивитесь, что такая дешёвая цена... Ну, что вам стоит?.. Вон какие сборы делают в театре, надо и нам нажать-с...

Мне пришлось действительно удивиться, но только в противоположную сторону, а покойный Бурлак хохотал до слёз над этою сценкой.

Относительно общей суммы, до которой достигает ежегодный оборот каменной торговли, трудно сказать даже что-нибудь приблизительно. По статистическим данным собственно гранильщики в Екатеринбурге и Берёзовском заводе, в общей сложности, зарабатывают ежегодно около 30 000. Это — плата рабочему, а сколько возьмёт процентов на ка-

менных изделиях торговец, вероятно, не уследит никакая статистика, но верно то, что торговец получит за свое посредничество больше мужика, добывавшего камень, и гранильщика, обрабатывавшего его, взятых вместе.

Х

"Каменная болезнь" и её жертвы. — Коллектор-специалист, коллектор-промышленник и коллектор-любитель. — Конкуренция самоцветам со стороны искусственных камней. — Воровство камней.

Наш очерк о самоцветах мы заключим главой о собирателях минералогических коллекций, которые в ряду других «любителей», вероятно, займут не последнее место. Прежде всего, коллекторство — страсть, доходящая до слабости, как всякая страсть. Иногда два-три камня, подаренных совершенно невинному человеку каким-нибудь знакомым, служат началом "каменной болезни". Замечу кстати, что специалисты-минералоги подвержены этой болезни сравнительно менее, чем просто люди из публики, не причастные минералогии ни которым боком. Эта странность объясняется, может быть, численным перевесом вообще публики, а, может быть, и просто, по пословице, сапожник остаётся без сапог. В числе таких минералогов-добровольцев я знаю лиц всевозможных профессий: кассир, железнодорожный служащий, священник, доктор, техник, «лицо» прокурорского надзо-

ра, маленький чиновник, прасол и т. д. Потом ещё особенность: у нас на Урале большинство таких коллекторов не местные жители, а приезжие люди.

Собиратели таких коллекций распадаются на несколько групп: коллектор-специалист, преследующий научные интересы, коллектор-промышленник, который наживает при случае лишнюю копейку, и просто коллектор-любитель, который собирает по пути каждую попавшую под руки "куриозную натуралию". Иногда эта страсть к собиранию доводит до смешного, вызывая соперничество, погоню за редкостями и, наконец, просто жадность. Камни для такого любителя нечто живое, и он говорит о них, как о живых существах. У меня есть именно такой знакомый старичок, который сам превратился в живую коллекцию, — стоит заговорить с ним о камнях, как сейчас же на сцену появляются разные редкости, и каждый раз выбор этих редкостей новый.

— Ведь у каждого камня своя физиономия, — с каким-то восторгом начинает он рассказывать. — Право... Это смешно, может

быть, слушать со стороны, но кто серьёзно взглянется в разные камни, тот сам увидит то же самое. У меня есть один рубин, сколько лет он так валялся в коллекции и не мог я подобрать ему пары. И нынче весной вдруг приносят мне рубин, посмотрел: родной брат моему... Рядом положить, так не отличите. Сам даже иногда перемешиваю их.

У этого старичка коллекция стоит тысяч десять рублей, и все минералогии, которые бывают на Урале, знают её.

— От Николая Иваныча штуфик имею, — с гордостью рассказывает старик про знаменитого русского минералога Кокшарова. — Сами мне подарили... Гельмерсен прежде бывал у меня, когда путешествовал по Уралу, Норденшельд, да мало ли их приезжало! И нынче ездят, только это другое совсем... Главное, сейчас видно, что человек не любит камень. Ему показываешь, а он только швыряет... Это уж не охотник, как настоящие минералогии. Да, бывало, покажешь такому минералогу какую-нибудь редкость, так он даже в лице изменится и ничего не пожалеет, чтобы оттянуть камень себе. Бывали такие, что даже

прямо воровали, если камень не отдадут добром...

Конечно, обидно, что истинные знатоки камней переводятся, но можно помириться и на нынешних легкомысленных учёных. Есть вещи похуже, как, например, поддельные драгоценные камни, — с этим, последним мой старичок примириться никак не может и просто выходит из себя.

— Помилуйте, читал-с, всё читал-с, — с огорчением в голосе говорит он каждый раз. — Опыты Дэпрэ и Фреми прекрасно доказывают, что можно сделать некоторое подражание.

— Не подражание, а настоящий драгоценный камень, как рубин, например.

— Нет, уж извините: этого никогда не было и не будет. Это одно воображение-с!... Если подделывают вина, чай, цвет волос, а в Америке даже картофель, куриные яйца и устрицы, то этим занимаются, извините за выражение, просто жулики. Так-с? А тут вдруг кому-то помешал природный драгоценный камень, и настоящие учёные принялись придумывать искусственный... Позвольте узнать:

для чего-с? Во-первых, искусственный камень всегда останется искусственным, как и что вы ни придумывайте, а, во-вторых, когда рубины и бриллианты будут готовить в плавильных печах, то они потеряют всякую цену. Спрашивается, для чего хлопчут гг. учёные?.. Извините меня, но мне кажется, что тут дело совсем в другом: надо всё фальшивое... да! И люди фальшивые, и камни будут фальшивые... А лично для меня это и интересно, что вот прямо в земле встречается такой камень, а не придуман он и не подделан!

Наши споры заканчиваются тем, что если всё на свете будет поддельное, то и жить не стоит... В данном случае, для любителей-минералогов большим утешением остаётся то, что подделка коснётся только драгоценных камней в собственном смысле слова, но зато останутся тысячи камней, которые не стоит и подделывать, потому что они имеют значение только для одних минералогов, как пириты, родициты и т. п. Самоцвет в собственном смысле, как мы его видим в витрине ювелира, конечно, должен будет уступить место своему фальшивому сопернику, это только

вопрос времени.

Каждое лето на Урале перелётными птицами появляется разная учёная братия, которая довольно бесцеремонно обыскивает местных коллекторов и забирает от них самое лучшее. Знатные учёные иностранцы ещё в недавнее время отличались в этом случае большою бесцеремонностью, — я говорю не о корифеях науки, а о тех заграничных профессорах, имя которым «легион». Вся беда в том, что такой профессор едет к совершенно диким людям, с которыми и обращается, как подобает обращаться с дикарями. Приведу несколько примеров. Живёт старичок горный инженер и время от времени любит собранною в течение жизни коллекцией минералов, окаменелостей и разных «антиквитетов». К нему время от времени завёртывают разные «любопытные» умы, и старичку доставляет удовольствие показывать свои сокровища. В одно прекрасное утро к нему пожаловали трое иностранцев, очень милых, любезных и учёных иностранцев. Осмотрели коллекцию, поблагодарили хозяина и удалились с миром. Когда старец начал приводить в порядок

взбудораженную коллекцию, то недосчитался до десятка редких штуфов.

— Лучшие окаменелости выкрали гг. иностранцы, — жаловался старичок своим знакомым. — Один со мной разговаривает, а двое рассматривают камни... Вероятно, они и рассовали по карманам мои камни, пока этот третий занимал меня.

Это может показаться басней или выдуманной растерявшегося старичка, но вот другой пример, и тоже с иностранцем. Один мой хороший знакомый получил этого господина по рекомендательному письму и повёз показать коллекции частных лиц. В одном месте г. иностранцу очень понравился какой-то штуф.

— Уступите его мне, — предлагает хозяину иностранный гость.

— К сожалению, не могу, — отвечает хозяин. — Если бы я стал продавать, то всю коллекцию разом...

— Но мне совсем не нужно всю вашу коллекцию, а только этот один штуф. Для чего он вам?

Одним словом, соглашение не состоялось,

и когда гости возвращались домой, то дорогой иностранный профессор достаёт из кармана тот именно штуф, о котором шла речь, и показывает моему знакомому. Картина... В объяснение своего поступка профессор сказал:

— Как хотите назовите меня: вором, похитителем, обманщиком... Но я не мог купить у этого упрямого человека всей коллекции, и, вместе с тем, не мог оставить этой редкости, которая имеет важный научный интерес. Всё равно, она для него не имела никакого значения, и я её взял не как имеющую денежную ценность, а как научный факт. Лично я здесь ничем не воспользуюсь...

Одним словом, цель оправдывает средства, и, пожалуй, даже можно понять этого фанатика науки, становясь, конечно, на его точку зрения.

Пример третий. Один уральский врач имеет несколько оригинальных штуфов, всё это подарки благодарных уральских пациентов. Приезжает хороший знакомый минералог и обращает внимание на штуф с кристаллами уваровита.

- Продай.
- Не могу: подарок...
- Ну, так подари...
- Не могу: подарок.

Через некоторое время доктор с приятелем едут куда-то вместе. Минералог достает украденный им штуф уваровита и объясняет:

— Это уваровит... вернее: уворовит. Самое название камня говорит за то, что его можно приобрести только путем воровства...

Мы могли бы привести десятки таких примеров, и всякий коллектор знает их по своему личному опыту. Камни в этом случае воруют на таком же основании, как зачитывают чужие книги, увозят чужих жён, берут из альбомов фотографические карточки "на память" и сманивают охотничьих собак. Всё это факты крайне нежелательные, но, тем не менее, существующие...

Примечания

1

Хрушкой — большой, крупный. (Прим. Мамина-Сибиряка).

[^^^]

2

Особый танец, в два прыжка. Здесь — иронически.

[^^^]

В дополнение.

[^^^]

4

В стадии зарождения.

[^^^]

5

При составлении этой главы автор пользовался трудами И. Н. Кокшарова "Материалы для минералогии России", Г. Щуровского "Уральский хребет в физико-географическом, геогностическом и минералогическом отношениях", А. Ушакова "Драгоценные камни в промышленном и минералогическом отношениях", М. Пыляева "Драгоценные камни", Н. К. Чупина и др. (Прим. М. С.).

[^^^]

6

Редкость, единственный в своём роде экземпляр.

[^^^]

7

Совершенство, высшее достижение искусства.

[^^^]